

Пепел и пыль

Автор:

Ярослав Гжендович

Пепел и пыль

Ярослав Гжендович

Шедевры фэнтези

Неизвестно, существуют ли небеса. Неизвестно, существует ли ад. Наверняка можно сказать лишь одно: после смерти человек попадает в Междумирье, где царствуют пепел и пыль, а у каждого предмета, мысли или чувства из нашей реальности есть свое отражение. Здесь ползают мыслеобразы, парят демоны внезапной смерти, обитает множество жутких существ, которым невозможно подобрать название, а зло стремится завладеть умершими и легко может проникнуть в мир живых, откликнувшись на чужую ненависть. Этот мир существует по своим законам, и лишь проводники, живущие в обеих реальностях, могут помочь душам уйти в иное пространство, вознестись в столбе ослепительного света. Здесь стоит крест, и на нем висит распятый монах, пронзенный терновником и обреченный на вечные муки. Монах узнал тайну действительности, а потому должен был умереть, но успел оставить завещание своему другу-проводнику, которому теперь придется узнать, как на самом деле устроено Междумирье и что находится за его пределами, ведь от этого зависят судьбы живых и мертвых.

Ярослав Гжендович

Пепел и пыль

Jaroslaw J. Grzedowicz

POPIOL I KURZ.

OPOWIESC ZE SWIATA POMIEDZY

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

В оформлении обложки использована иллюстрация Dark Crayon

Copyright © 2006 by Jaroslaw J. Grzedowicz

© Кирилл Плешков, перевод, 2022

© Dark Crayon, illustration, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Гжендович использует чрезвычайно яркий язык и обладает даром рассказывать красочные истории, благодаря которым ваш ум не будет скучать.

GLOS KULTURY

Действие в романе постоянно украшают философские комментарии главного героя и щепотка черного, висельного юмора. При этом простой, но одновременно интеллектуальный стиль автора делает его размышления на крайне сложные темы доступными и приятными для восприятия.

ENKLAWA NETWORK

* * *

Don't pay the ferryman,
Don't even fix the price.
Don't pay the ferryman,
Until he get you to the other side.
Chris de Burgh, „Don't pay the ferryman“

Не плати перевозчику,
Даже цену не назначай,
Не плати перевозчику,
Пока он не доставит тебя на другой берег.

Крис де Бург. Не плати перевозчику

Пролог

Обол для Лилит

Если в тридцать лет ты вдруг очнешься на вокзале, сидя на руинах прежней жизни, без гроша в кармане и измазанный чужой кровью, наверняка меньше всего тебе захочется встретить своего чокнутого дядюшку.

Позор семьи.

У меня тоже не было ни малейшего желания встречаться со своим несчастным племянником.

Павел Порембский – пока не превратился в бомжа и не опустился на самое дно. Но во время редких проблесков сознания он, по крайней мере, понимал, что чертовски к этому близок. Это очень легко – намного легче, чем думают люди. Все происходит само собой. Если ты уже не слушаешь неразборчивые, произносимые недовольным женским голосом сообщения вроде: «Пассажирский поезд до Колюшек отправляется со второго перрона, третьего пути» – значит, ты никуда не едешь. Если ты видишь только ноги ниже колен спешащих в разные стороны пассажиров, составляющих основной поток жизни, так как бездумно сидишь на жесткой перронной скамейке, тупо уставившись в плиточное покрытие, – значит, ты торчишь на вокзале потому, что тебе некуда пойти. В твоём кармане не лежит билет, а узел у твоих ног – не спешно собранный перед отъездом на несколько дней багаж. Ты пришел сюда, ибо понятия не имеешь, куда себя девать. На вокзале есть крыша, стены, и никто не обращает внимания на человека, сидящего на скамейке. Обувь, которую ты видишь будто в тумане перед собой, – пассажиры. Люди, которые пришли сюда, чтобы куда-то уехать поездом. Мокасины, полуботинки, туфли, кроссовки, шпильки и штиблеты принадлежат тем, кто плывет по течению жизни. А ты сидишь на коралловом рифе, на мели, предназначенной для потерпевших кораблекрушение.

И если тебя все это не волнует – тем хуже для тебя.

Мой несчастный, обезумевший от ужаса племянник в окровавленной рубашке оказался на вокзале не потому, что ему было некуда пойти. Вроде поначалу он в самом деле собирался куда-то ехать, хотел сбежать – одному Богу известно, почему именно поездом. Но он не сбежал. Когда человек впадает в панику, его разум выкидывает разнообразные коленца. Паника – следствие эволюционной адаптации. Когда нет возможности сразиться или бежать и ситуация становится безнадежной, мозг перестает строить какие-либо планы. Решив, что пришел конец всему, он разбивает стекло и нажимает большую красную кнопку с надписью «паника», после чего совершает множество хаотических, случайных поступков, поскольку тактика и стратегия не сработали, а истерические метания иногда дают какой-то результат. А если нет – терять все равно нечего. Лучше такой шанс, чем никакого. Но порой предохранитель не выдерживает, и человек зависает будто компьютер. Тогда он сидит на вокзале с приоткрытым ртом и вытаращенными глазами, уставившись на ноги идущих по перрону пассажиров.

Примерно так я однажды угодил в больницу на психоневрологическое отделение, с диагнозом «параноидная шизофрения». Спасибо врачам – меня вылечили, и этот случай остался в документах как «шизоидный эпизод»

с неплохим прогнозом.

Я не сразу узнал племянника. В моем мире он никогда не возникал в подобном контексте. Я слышал о нем от своей матери как о способном молодом человеке, образцовом муже и отце, делающем карьеру прекрасном сыне моей двоюродной сестры. А в последнее время – как о чудовище и черной овце. Боже, какая трагедия! Что за стыд! В нашей семье НИКОГДА не было разводов. Как он мог бросить СЕМЬЮ!

Его выгнали из стада. Конец обедам у бабушки Хели и дням рождения у тети Ядзи. Конец именинам у дядюшки Чеся.

Меня это несколько не взволновало, поскольку меня самого вышвырнули из племени – сам не знаю, то ли со времен моего пребывания в психушке, то ли, вероятно, когда я упрямо решил стать этнологом, а не врачом. Чокнутый. Отщепенец. Сумасшедший дядюшка. Впрочем, лишь когда Павел стал героем скандала, я впервые ощутил к нему какую-то симпатию.

Он с безразличным видом сидел на скамейке, потирая дрожащие руки. Я увидел покрытую порыжевшими пятнами крови рубашку и понял, что не могу его так оставить.

Двое рослых полицейских в комбинезонах цвета сажи и канареечных жилетах уже обратили внимание на парня. Их медленная прогулка вдоль перрона внезапно обрела цель. Еще три минуты – и мой племянник заметит среди проворно шагающих перед его глазами ботинок пассажиров две пары совсем других – черных шнурованных пехотных берцев фирмы «Вояс». Он услышит произнесенное голосом робота: «Попрошу документы», – и, если поднимет глаза, увидит также закругленные концы двух штурмовых дубинок из стекловолокна, болтающихся на уровне колен. Удар такой штукой может свалить быка.

Я не мог этого оставить. В конце концов – родня. Не помню почему, но о родственниках следует заботиться больше, чем о других.

Вздыхнув, я подошел к племяннику и, крепко схватив за плечо, поставил его на ноги. Он был легким и не сопротивлялся, особенно если учесть, что его ноги напоминали куски веревки.

Обхватив за пояс, я потащил его в сторону ближайшего эскалатора.

– Идем, – процедил я. – Шевели конечностями, а то еще немного – и окажешься в кутузке. Если будешь и дальше здесь торчать, пикнуть не успеешь, как заметут.

Он безвольно пошел со мной, что-то бормоча мокрыми губами. Я пока не знал, что с ним. Белая горячка? Обдолбался какой-то дрянью? Перебрал успокоительного?

Меня многое отличает от обычных людей – не только мое странное занятие. Не только то, что я с детства вижу больше других. Не только то, что я знаю: наш мир – лишь одна из многих плоскостей, по которым мы перемещаемся. Меня отличает еще и то, что я умею обращаться с людьми, пребывающими в состоянии крайнего шока.

Обычный человек при этом задает много ненужных вопросов: «Что случилось?», «Что с тобой?», «Что ты тут делаешь?», «Почему молчишь?».

Все эти вопросы носят почти философский характер. Невооруженным глазом видно, что парень трех слов связать не может и тем более не в состоянии рассказать, что случилось. Собственно, он сам этого не знает. Еще вчера он был уважаемым гражданином и отцом семейства, звездой рекламного агентства МБД – тем самым, которое придумало Петушка Бульончика. Он ездил на семейном «Рено-эспейсе» и повязывал шелковые галстуки, а сегодня сидит на вокзале, сжавшись в комок, и стучит зубами. Что он должен вам ответить? Что мир сошел с ума? Что жизнь взорвалась прямо перед его лицом? Что он внезапно провалился в ад? С тем же успехом можете спросить его: «Что есть Бог?» или: «В чем смысл жизни?».

Я оказался на вокзале потому, что провожал друзей и хотел заглянуть в тамошнюю табачную лавку. Ехать я никуда не собирался, так что мой побитый Самурай стоял поодаль у паркомата.

Полицейским приемом пригнув затылок племянника – так делают, чтобы клиент не врезался башкой в край крыши, – я усадил его на место пассажира.

На какое-то время он был в безопасности.

– Покажи, где ты ранен, – приказал я. Хоть он и родня, мне не хотелось получить перепачканную обивку. – Хочешь в больницу?

Он сражался с мышцами рта так, будто ему парализовало лицо.

– Это. Не. Моя. Кровь.

Четыре отдельные фразы. По крайней мере, он не собирался отдать концы до того, как мы доедем до дома. Уже не один человек истекал кровью в этом автомобиле, включая меня самого. И еще – страшный беспорядок.

Похоже, произнесение четырех слов полностью лишило его сил, но в мозгу сработал некий клапан – он свернулся в клубок и разразился рыданиями. Что ж, неплохо: плач – вполне человеческая реакция, которой сопровождается выход из шока. Если бы он вообще никак не реагировал, значит, внутри все кипит, и это могло его окончательно раздавить.

Я ехал осторожно, поскольку меньше всего хотел встретиться с полицейским алкотестером. Хоть я и был трезв, вчерашние ночные посиделки могли оставить след.

Бросив взгляд вбок, я увидел, что племянник продолжает содрогаться от рыданий, ударяясь лбом о панель. Из его носа текли сопли.

Вздыхнув, я закурил и буркнул:

– Еще у одного крыша поехала.

Решив не парковаться перед домом, я въехал прямо в гараж. У своего дома стоял сосед с садовым шлангом в руках, пытаюсь затопить грядку с отцветшими портулаками. Он так напряженно уставился на мою машину, будто внутри находился ночной клуб с дискотекой.

Из гаража у меня есть отдельный вход в дом, что удобно – можно спокойно перетащить то, что привез на машине, вдали от любопытных глаз пана Марциняка, даже если это твой племянник, превратившийся в измазанный кровью заплаканный мешок с требухой.

Сняв с него окровавленную рубашку, я померил пульс, заглянул в зрачки, осмотрел запястья и предплечья. Ничего, кроме шока чистой воды.

Я применил стандартную терапию: стопка, душ, новая одежда. Он подавился коньяком, едва не утонул в душевой кабине и не мог справиться со штанинами, но программу каким-то образом выполнил.

Усадив его в кресло напротив камина, я налил себе сливовицы и закурил, будучи готов выяснить, во что ввязался.

Я зря велел ему говорить обо всем по очереди. Если бы он рассказывал с конца, я по крайней мере узнал бы какие-то факты. Сперва он вообще не знал, что сказать – похоже, событий было слишком много, и они клубились в голове словно змеи в гнезде. И он начал сначала – поведал мне историю своего супружества.

Должен признаться, что утечки, о которых знала моя мать и которыми она из любезности потчевала меня по телефону, походили на правду примерно на одну пятую.

Мало того, что я человек не семейный – меня нисколько не волнуют чужие дела. Трудновато объяснить, но я не законченный психопат – просто видел то, что обычным людям нелегко было бы даже понять, а тем более поверить в увиденное, слишком повергающее в ужас, чтобы меня потом могла волновать мелочная чушь, которую вы считаете настоящей жизнью. Я с детства вижу странные вещи. Если мне хочется нормально заснуть, приходится ложиться в постель уставшим до бесчувствия или пьяным в стельку. Я одинокий человек, и меня не волнуют всяческие «как она могла мне такое сказать», или чего кто ждал, или насколько кто-то ошибся. Порой мне хотелось бы иметь те же проблемы, что и другие, но – увы.

Я сидел, вертя в руке бокал, пахнувший сливовыми садами из окрестностей Лонцка, и слушал смертельно скучную и банальную историю, каких полно на телевидении, во всяких иллюстрированных журналах и песенках на радио. Они познакомились студентами. Она была чудесным неземным существом, а он – диким нелюдимом, которому не везло с женщинами. Он любил ее безумно, она средне, но, во всяком случае, на какое-то время вверила ему свои прелести, так что в его жизни появилась цель – сделать так, чтобы она его полюбила и была с

ним счастлива, что ему потом вроде удалось. И так далее, и тому подобное.

Я видел его избранницу. Раз в несколько лет моей матери удастся посредством шантажа и интриг, которых не постыдился бы и Макиавелли, вынудить меня принять участие в совместном мероприятии банды лицемеров, которую я называю семьей. На одном из таких сборищ мне довелось увидеть жену моего несчастного племянника – даже в чем-то симпатичную, если кому-то нравятся филигранные блондиночки. Она напомнила мне какую-то певицу – прямые соломенные волосы, тонкие черные брови, почти невидимые очки без оправы. Все было хорошо, пока она не раскрыла рот. По любому поводу у нее имелось иное мнение, высказываемое тем несносным, полным превосходства тоном, какой в рекламе вкладывают в уста Ответственным Современным Амбициозным Женщинам, Ведущим Активную Жизнь. Неважно, сделал ты замечание по поводу борща, погоды или омлета – сразу звучало особое мнение госпожи Я Того Стою.

Так или иначе, если ему верить, он любил свою жену, и самым большим его желанием было доставить ей удовольствие. И, как часто бывает, ничего из этого в конце концов не вышло. Объяснить он толком не сумел, явно не вполне понимая, что случилось.

Он болтал не переставая почти час. Полностью предсказуемая история, без каких-либо сюжетных поворотов, развивалась наподобие греческой трагедии. Жена ездила ему по ушам несколько лет, желая то одного, то другого, но никогда не была довольна. Похоже, такова ее жизненная цель – играть роль кролика, за которым он гонялся бы до старости, и за пазухой у нее всегда имелось очередное «из-за тебя я впустую потратила жизнь» и «что я в тебе нашла».

Я сам мог бы рассказать за него об очередных этапах. Она требовала от него денег, а когда он научился зарабатывать, начала требовать детей. А когда появились дети, ей вдруг захотелось «выйти из этого дома, развиваться и узнавать людей». И так по кругу. Ей хотелось развиваться профессионально, а сразу же после она «не могла вынести прессинга». Естественно, она перестала с ним спать, слишком уставала и полностью утратила интерес к «таким вещам», но, видимо, не до конца, поскольку, похоже, начала спать с другими.

Павел долго терпел, пока не сообразил, что забрался на территорию, которую посещать не собирался, и не мог понять, откуда он, черт побери, тут взялся. Так бывает. Есть ссоры, которые остаются навсегда, и ситуации, которые всё

меняют, вроде выбора не того съезда на автостраде. Настал день, когда мой племянник осознал, что его жизнь вплоть до этого момента полностью пошла под откос и что это следствие системы, в соответствии с которой функционирует их союз, так что лучше точно не будет. Взбунтовавшись, он решил спасти то, что еще осталось. Деньги у него были, поэтому он снял квартиру, забрал кое-какие личные вещи и начал вести жизнь изгнанника, ночуя на матрасе из «Икеи» посреди нераспакованных коробок с книгами и глядя в чужое окно в маленькой комнатке на чужую улицу. Он не слишком понимал, как, собственно, до этого дошло, но факт оставался фактом – он чувствовал себя свободным. Виноватым, чудовищем, но свободным. Впервые за очень долгое время.

Я продолжал терпеливо его слушать, но вся эта история не объясняла ни вокзал, ни дрожащий ломающийся голос племянника, ни его белое как бумага лицо и кровь на одежде. Бывают полностью неудачные союзы, а бывают те, что со временем такими становятся. Услышав ту же историю в несколько иной версии от своей матери, я безразлично заметил: «Что ж, видимо, Бог сотворил их спиной друг к другу». В ответ последовала гневная проповедь о семейных ценностях, ибо моя мать – правоверная католичка, и ничто ее так не раздражает, как традиция, в соответствии с которой праотец Адам был женат минимум дважды. Первая жена Адама, по имени Лилит, оказалась сотворена сросшейся с ним спиной, потому они никогда друг друга не понимали, и в конце концов она его бросила.

Что касается моего племянника, то я не сомневался: в конце концов он дойдет до места, где пришиб свою бывшую кочергой.

Похоже, мы приближались к этому моменту, поэтому я налил ему еще коньяка. Больше все равно ничем не мог помочь.

Казалось бы, если люди превращают свою жизнь в руины, они должны хотя бы сохранить напоследок хорошие воспоминания. Подать друг другу руки и мирно расстаться. Мой племянник, однако, был полностью безнадежен и доставлял огорчение только своей жене, но когда перестал это делать, тут же превратился в объект самой злобной ненависти, какую можно вообразить. Он не мог понять, как люди, когда-то любившие друг друга, могут так друг к другу относиться.

Зато я понимал: он первым ее бросил, дав ее высочеству пинка под зад. Если бы она успела раньше, они «остались бы друзьями», а так он окончательно ее оскорбил – ведь у нее имелось столько предложений получше.

Его начало преследовать странное, непонятное невезение. Портилось здоровье – вдруг оказалось, что у него зачатки диабета, садится печень. Что-то нехорошее начало твориться с сердцем. В его профессии либо маршируешь, либо получаешь пулю в лоб, так что пойти в больницу он не мог. Рекламные кампании, в которых он участвовал, заканчивались полным фиаско. Положение его было достаточно устойчивым, поэтому с работы он не вылетел, но дела шли скверно. С какого-то момента все, к чему он прикасался, превращалось в пепелище, что доводило до невроза. Хуже того, неудачи стали преследовать всех женщин, к которым он имел отношение. Работая в рекламном бизнесе, он не имел проблем с девушками, которым казалось, что кувыркания на матрасе из «Икеи» способны помочь им в карьере. Странности начались, когда одна из них погибла в автокатастрофе, еще одна перевернулась на водных лыжах и оказалась в инвалидной коляске с парализованными ногами, а третья перебрала снотворного. Это не были пламенные союзы, скорее случайные знакомства, но походило на то, что если какая-нибудь девица выскользнет из трусиков на его койке, ей гарантирован билет на экспресс по ту сторону радуги в течение месяца.

Лучше всего свидетельствовало о состоянии нервов моего племянника то, что он начал во всем видеть проклятие бывшей спутницы жизни. Точнее, я сразу бы так подумал, но я чокнутый. Для него же подозрение, что в глубине души он верит, будто бывшая втыкает булавки в восковую куклу, означало, что он распрощался с разумом.

Я слушал молча, мрачно поигрывая бокалом. Дело начинало понемногу приближаться к территории, на которой обычно пребываю я, и мне это не нравилось.

Потом в его жизни появилась совершенно новая женщина – такая, какую он должен был встретить давно. На этот раз не модель и не кто-то вроде того – она занималась компьютерной версткой, и все, что ни делала, для него являлось откровением. Она любила смеяться, могла запеть на улице, если у нее возникало такое желание, и ее нисколько не волновало, что подумают люди. Павла она воспринимала как подарок судьбы, а не как необходимое зло или ступеньку в карьере. Свободное время она посвящала разнообразным радостным хобби, которым тотчас научила и его. Она любила парусный спорт и подводное плавание, а пиво хлестала как чешский солдат.

Мой племянник ожил. Они вместе поселились в ее маленькой квартирке, но это уже была не съемная холостяцкая комнатка, а двухкомнатная квартира на переоборудованном чердаке. Павел наконец распаковал коробки с книгами, перестал питаться бульонными кубиками и пиццей. Летаргия подошла к концу.

Парень был счастлив как никогда в жизни, но ничего не мог поделать с пугающим ощущением, что проклятие по-прежнему висит над головой и его счастье в любую секунду прервется. Сколь бы иррациональной ни была подобная мысль, он жил с мрачной тенью за спиной, подсознательно ожидая удара.

Прошлое не давало о себе забыть: бывшая звонила почти ежедневно с очередными требованиями, шантажом или обычными ругательствами. Он привык относиться к этому спокойно, зная, что у него есть некая опора.

Идиллия продолжалась около двух месяцев – до прошлой среды.

Ему пришлось уехать на два дня, чтобы руководить съемками в Кракове. Он уезжал полный худших предчувствий и убежденный, что в воздухе висит нечто дурное. Автомобиль с его съемочной группой не врезался в грузовик, на них не напали, он даже не поплатился поносом за съеденный в придорожном кафе суп с требухой. Во время съемок прожектор не свалился ему на голову.

А потом он вернулся домой. На следующий день начинался отпуск, были планы поехать на Крит.

Дальше его голос сорвался, снова начали дрожать руки, а слова давались с трудом.

Его девушка, Магда, не ответила на звонок домофона. Когда он начал открывать дверь в квартиру, оказалось, что та заперта изнутри. У них имелся замок, который изнутри запирался не ключом, а иначе. Его можно было открыть, но после некоторых усилий. Павел провозился несколько минут, прежде чем понял, что дверь заперта с другой стороны.

В этот момент у меня у самого возникли дурные предчувствия. Дело не в том, что я предчувствовал дурное, поскольку я это и так ЗНАЛ, а в том, что у меня появились собственные подозрения. Такое случается крайне редко, но то, что он

рассказывал, походило на нечто, когда-то мною виденное. Что-то из моей профессии.

Он рассказывал как перед судом – короткими сдавленными фразами, внешне без эмоций, деревянным голосом робота, будто воспроизводя стершийся в памяти кошмарный сон. Когда он открыл дверь, внутри было тихо, только лилась вода. В ванной клубился пар, но в полной до краев ванне никто не лежал. Магды нигде не было видно. Мой племянник закрыл краны и вошел в комнату.

Сперва он увидел рисунки на стенах. Коричневые примитивные изображения покрывали каждый фрагмент оштукатуренной стены – спирали, глаза, отпечатки ладоней, зигзаги, стрелки.

Магда лежала на кровати, в пропитавшейся красным постели, широко раскинув руки и ноги, привязанные к опорам кровати широкой серебристой клейкой лентой. Павел мог лишь догадываться, что тело принадлежит его девушке. Он не мог объяснить, что с ней, собственно, сделали, кроме того, что сделано это было ножом. Помнил лишь отдельные кадры, будто серию слайдов с полицейской камеры. Ее волосы вместе с кожей, прибитые над кроватью, похожие на ползущего по стене черного лохматого зверька. Ее грудь, лежащая на сервированном к ужину столе. Приборы, салфетки. Грудь со следами зубов. И кровавые каракули на стене.

Он помнил свое бессвязное бормотание в трубку. Язык, словно онемевший кол в кажущемся чужим рту. Собственный крик, отражающийся от стен и потолка. Крик, которым он давился, прижимая к себе освобожденное от пут тело. И что-то, чего он не мог описать.

Холод. Внезапный ледяной порыв ветра, от которого кожа покрылась инеем. А потом появилась фигура. Черная, смазанная, будто сдвинувшаяся фотография. Силуэт вышел прямо из покрытой каракулями стены, облаченный в нечеткую, черную, словно дым от горящей шины, мантию. Лицо у него отсутствовало – лишь птичий клюв, как маска врача времен эпидемии чумы. Еще Павел увидел, что из каждой руки выросло по одному желтоватому искривленному острию.

У меня вспотели ладони, я чувствовал, как моя гортань медленно заполняется ледяной ртутью.

Я знал, что увидел мой племянник.

Я называю их скексами. И знаю, где они живут. Вижу их с детства. Их привлекает внезапная смерть. Но они никогда не появляются по эту сторону. Почти никогда.

Обычные люди никогда их не видят.

Почти никогда.

Потом он помнил двор, пульсирующие голубые вспышки огней на крышах полицейских машин. Сильные руки, хватающие его за плечи, топот множества тяжелых ботинок по лестнице, лица высывающихся из-за дверей соседей. Маслянистый блеск на черных стволах. Мигание фотовспышек. Толпа суетящихся в доме мужчин. Шершавое, оливкового цвета одеяло, которое набросили ему на плечи. Грохочущие жестяные голоса из раций. Уколы и тихие, но настойчивые вопросы полицейского психолога. Жирные следы черной калки, когда у него снимали отпечатки пальцев.

Транквилизатор успокоил его, залил пылающую часть мозга химическим, полным пустоты фальшивым облегчением. Он ответил на вопросы.

Его увезли на скорой, где он сидел на сложенных носилках, глядя на размытые огни города. Желтые и красные блики на залитых дождем стеклах.

Тем временем стянутые со всего района патрули искали высокого худого мужчину в черном плаще и обшаривали мусорные урны в поисках белой птичьей докторской маски.

Павел провел в психиатрической клинике три дня. Посттравматический шок. После уколов он перешел на таблетки, после чего уже был в состоянии есть, спать и отвечать на вопросы следователей.

Следствие прошло в экспресс-темпе. Чумного Доктора, как его называли в рапорте, не нашли, зато нашли только что выпущенного из закрытого центра тюремной психиатрии Стефана Дурчака – невысокого, лысеющего, в толстых бифокальных очках. До прошлой недели он тринадцать лет пребывал в закрытой

лечебнице, имея на своем счету два убийства несовершеннолетних и три поджога. Когда его выпускали, он представлял собой клинический случай успешной терапии.

Дурчака схватили той же ночью. Он ездил на ночном автобусе от кольца до кольца, измазанный кровью Магды, и орал рифмованную оду какой-то своей королеве. При нем имелся нож – кривой садовый ножик с деревянной рукояткой. Отпечатки его пальцев совпадали с теми, что остались на стенах дома Магды и Павла.

Никто не задумывался над тем, как Дурчак вышел из запертой изнутри квартиры. Никого не заинтересовало, что на самом деле видел мой племянник. Дело закрыто. Успех.

Но когда Павел вышел из клиники, он, естественно, был не в состоянии вернуться на бойню, в которую превратился его дом, и отправился ночевать в гостиницу.

А в ночь перед тем, как я встретил его на вокзале, он открыл глаза после внезапного кошмара и увидел черную, будто жирная сажа, фигуру, стоящую над его кроватью. Увидел лицо в маске врача времен эпидемии чумы, запомнил узловатую желтую руку, на которой два ненормально длинных, сросшихся пальца напоминали искривленное острие. Скекс держал в этой руке мясистый пульсирующий плод – человеческое сердце, увенчанное пучком разорванных сосудов, которое он медленно надрезал острием другой руки, словно чистя апельсин. Кровь – черная в ртутном блеске неоновых реклам за гостиничным окном – текла густой горячей струей прямо на грудь моего племянника.

А потом были пустые улицы, вокзал, мой автомобиль и моя гостиница.

И Павел, который размеренно покачивался в кресле и монотонно стонал: «Я свихнулся, свихнулся... боже, я наконец свихнулся!»

У меня дома есть кое-какие успокоительные средства – в конце концов, я чокнутый. Похлопав парня по спине, я мягко прочитал ему лекцию на тему галлюцинаций, кошмаров и посттравматического шока. Лекция звучала вполне достоверно – он знал, что я бывший шизофреник и мне наверняка известно, насколько реальными могут быть галлюцинации.

Проглотив таблетку сенонала и выпив стакан минералки, он уже через двадцать минут спал сном младенца. Органическая химия – великая вещь.

Первого демона я видел еще до того, как научился говорить, – именно поэтому я хорошо все помню. Это был гаки, а мне не исполнилось и двух лет. Кошмарная, возникшая ниоткуда желтая морда преследовала меня, кричащего, по всей квартире. Я помню не только ужас, но также страшное усилие, с которым пытался позвать на помощь, выразить хоть какие-то чувства, но не мог. Ничто из того, что со мной происходило, было невозможно описать с помощью тех нескольких случайных слов, которые я знал. Родители не могли меня успокоить, поскольку не видели того, что видел я.

Потом появились сны.

У меня было обычное мирное детство, пока я, выпив стакан молока и выслушав сказку, не ложился в постель. После в темноте детской мне снились похожие на скелеты лица людей в бело-синих робах, клубы ржавой колючей проволоки и бескрайние руины, над которыми поднимался синий дым; полные трупов ямы, переплетения похожих на изломанные ветви рук.

Я не боялся.

Я не понимал, что вижу.

У меня был и друг. Он приходил ко мне ночью в своей мохнатой грубой одежде цвета порыжевшей бронзы и шляпе с подвернутыми с одной стороны полями. Я называл его Матиболо. От него пахло дымом. У него были добрые серые глаза и недоставало зуба с левой стороны, что придавало ему, как мне казалось, залихватский вид. Лицо его загорело только до линии шляпы, а под ней была щетина рыжих волос, коротких, словно шерсть таксы.

Я знал, что его нет в живых.

Он появлялся в моих снах каждую ночь и пытался что-то мне сказать. Я не мог его понять, и Матиболо прекратил свои попытки. Он пробовал со мной играть, но у него это не получалось. А однажды я увидел в киоске солдатика – не такого, как обычные фигурки четырех танкистов или отважных советских солдат с ППШ.

Он был отштампован из пластмассы – топорная копия какой-то западной игрушки. У него были такие же смешные сапоги с отворотами, очень длинный нож на поясе и грязно-желтая короткая куртка с карманами и закатанными рукавами, доходящая до бедер. А на голове – широкая шляпа с заливчатски подвернутыми полями.

Мне обязательно нужна была эта фигурка, а киоск оказался закрыт. «Матиболо! Матиболо!» – вопил я. Истерика продолжалась так долго, что мои родители всерьез подумывали, не взломать ли киоск. Наконец его открыли, и первым клиентом в тот день стала моя мать, а когда я отправился в детский сад, в моем кармане в полной безопасности лежал Матиболо. Лишь по прошествии многих лет, полных пугающих и исключительных событий, до меня дошло – не Матиболо. Мартин. Мартин Борроуз. Сержант Мартин Борроуз из Сиднея.

После кошмары меня больше не мучили. Лишь когда в возрасте двенадцати лет я свалился с лестницы и лежал в больнице с тяжелым сотрясением мозга, в фосфоресцирующем полумраке ночи увидел, как вокруг моей койки собираются скексы. Я слышал их хриплый шепот и видел жуткие, напоминавшие птичьи черепа лица; похожие на комья черной паутины тела и стекловидные кривые когти.

Мгновение спустя во двор с обычным для того времени протяжным воем въехала скорая – и скексов будто ветром сдуло. Они насытились и больше не приходили к моей койке.

Прошлое вернулось, когда я начал взрослеть, но уже не в виде кошмаров. Впервые это случилось, когда однажды летом я задремал днем, утомленный жарой. Потом, ночью, я не мог заснуть и в конце концов провалился в подобие полусна, заполненного неопределенными кошмарами. Я помню, как хотел проснуться и не мог. Я знал, что мне снится сон, но не мог его прервать. Я пытался скатиться с кровати, пытался встать, пытался открыть глаза, но тело не слушалось. Казалось, меня разбил паралич. В конце концов до охваченного паникой мозга дошло, что я мечусь по постели, что я встал и открыл глаза и смотрю на самого себя, лежащего на спине. Я открыл внутренние глаза.

Тогда я впервые оказался в краю Полусна, в Междумирье. Впервые увидел его красное небо и Ка всех обыденных предметов, стоящие на их месте подобно мрачным муляжам.

Это не загробный мир, еще нет. Загробный мир намного выше. Это лишь трещина, щель. Дыра между жизнью и смертью, полная теней и сомнений. Там находятся мертвые или полуживые души всего, что нас окружает. Там стоят такие же здания, такие же стулья и зеркала, но они выглядят иначе, ибо это не те же самые предметы, но их призраки. Их Ка. Их отражения в краю Полусна.

Сперва я сам хотел туда вернуться. Междумирье пугало, но и завораживало. Я был лишь подростком, читал книги о развоплощении и астральных телах. И занимался йогой.

А потом оказалось, что я не могу перестать туда возвращаться почти каждую ночь. И что Междумирье не пусто и безопасно. Это был не тот мир, где я мог бы скользить подобно призраку, проникая сквозь стены, чтобы добраться до комнаты, где спит королева красоты нашего класса, и безнаказанно наслаждаться видом обнаженного тела ни о чем не догадывающейся шестнадцатилетней девушки.

Оказалось, что это царство демонов. Пограничье. Место, где обитают те, кто не смог найти свой путь на Ту Сторону, куда забираются создания из других пределов, у которых нет сил, чтобы появиться в нашем мире. Ближайшее место, откуда они могут до нас добраться, – Междумирье.

Поняв, что не могу освободиться, я сошел с ума. Край Полусна сам призывал меня каждую ночь, затягивая в гущу призраков и чудовищ, порожденных нашей низостью и питающихся нами.

Лекарства помогли. Не знаю, излечили ли они меня от шизофрении, но, во всяком случае, разорвали связь между мной и Междумирьем.

Потом я вернулся туда уже сознательно.

Мне помог Сергей Черный Волк. Я познакомился с ним благодаря своей профессии этнолога, когда путешествовал с экспедицией по краю эвенков. Именно там, сидя в его хижине за самоваром и стопками спирта, я понял, что впервые могу кому-то об этом рассказать. Сергей – маленький худой азиат с плоским как сковородка лицом – тоже почувствовал во мне братскую душу. Он надевал для меня свою куртку из оленьей шкуры, увешанную жестяными побрякушками, брал в руки бубен, плескал спиртом в огонь и рассказывал мне

сказки о мудром Ли?се. Он учил меня знаниям о Древе Жизни и мирах, которые находятся над и под нами – но лишь затем, чтобы я мог писать свою докторскую.

Потом, когда я выключал переносной катушечный магнитофон «Каспшак» и убирал фотоаппарат «Смена», мы начинали разговаривать по-настоящему. И только тогда Сергей показывал мне, что на самом деле значит сибирский шаман. Только с глазу на глаз. Таков был договор.

Сергей научил меня собирать хрупкие маленькие грибочки на красных ножках, добавлять травы и лишайники, делать из всего этого настойку на крепком домашнем спирте. Именно благодаря ему я вернулся в Междумирье.

«Ты должен туда вернуться, – говорил Черный Волк. – Иначе не узнаешь покоя. И всегда будешь бояться».

Я боялся – и пил настойку.

А потом я лежал под жутким красным небом Междумирья, видя над собой колючие призраки кедров, пронзающих клубящуюся бесконечность, и мне казалось, что стая зубастых, поросших черной шерстью тварей разрывает меня в клочья, а потом собирает обратно рыжими от моей крови лапами.

Я умер и родился заново.

Но я научился входить в Междумирье совсем иначе, уже не как туманный, проникающий сквозь стены астрал. Я мог появиться там как существо из плоти и крови. И мне уже было не так легко причинить боль.

Именно тогда я встретил Селину.

Она сама влекла меня к себе – в полуразвалившуюся беседку из войлочных плит и шифера, куда ее затащили. На садовые участки для рабочих, на серый цемент, которым залили ее неглубокую могилу.

Каждую ночь она выкапывалась из-под цементного пола кровавыми пальцами со сломанными ногтями, пронзительно воя от ярости и тоски. На ее зеленоватом теле остался лишь сгнивший обрывок купальника.

Вполне хватило бы ее успокоить и перевести на другую сторону. Я мог это сделать, но тогда об этом не знал. Селина слишком долго была прикована к этой беседке и цементному полу. Думаю, в астральном смысле она слегка сошла с ума.

Я нашел этот садик. Беседка стояла точно так же, как и ее тень в Междумирье, а постаревший убийца сгребал засохшие листья, опадавшие с кривых яблонь. Я запомнил его лицо.

Потом однажды ночью я добрался до него в Междумирье. Он спал в собственной постели, туманный и нереальный. В ту ночь уже от меня убегали другие по окутанной мглой и засыпанным пеплом улицам страны Полусна.

Я смотрел на его двоящееся тело – материальное, едва видимое и туманное, и слабый светящийся астрал, походивший на тусклое сияние.

Я помню свой гнев. Гнев Селины. Услышав шипящий шепот, напоминавший шелест сухой листвы, я увидел, что из шкафа выходит скекс, по-птичьи крутя клювастой головой. Голова поворачивалась из стороны в сторону, а вокруг клюва черной змейкой извивался тощий язык.

Сперва я услышал собственный рев, а потом врезал скексу по морде.

Это было безумие. Он должен был меня убить.

Но он просто сбежал.

А потом я воткнул руку в худую грудную клетку, облаченную в бордово-синюю пижаму, и нащупал твердое скользкое сердце, затрепетавшее в моей ладони как воробей.

Я отдал его Селине.

И, сам не зная почему, привлек ее к себе. Именно тогда я впервые открыл кому-то путь.

Нас залил столб белого света, вонзившийся, подобно колонне, в красное небо. Я чувствовал, как девушка в моих объятиях становится легче. Она что-то шептала мне на ухо, и я не сразу понял, что это адрес. Адрес домика в предместье, где когда-то жила ее бабушка.

– Пятьдесят золотых рублей, – сказала Селина. – В коробке из-под чая, под корнями яблони. Мое приданое. Тебе причитается обол, мой Харон.

Я отпустил ее, легкую, будто наполненный газом шар. Она устремилась вверх по светящемуся столбу, который я для нее открыл.

– Лети, – прошептал я. – Лети к свету.

Сверкающая колонна больше не пронизывала красное небо. Проход закрылся.

Так я стал психопомпом.

А на следующий день я нашел остатки бабушкиного дома – кирпичный прямоугольник посреди заброшенного участка, поросшего сиренью и крапивой. И откопал ржавую банку из-под чая. Мой первый обол.

Я открыл свое призвание.

Работаю я не каждую ночь, стараясь не путешествовать по миру духов чаще, чем раз в два-три дня.

И этой ночью я не собирался работать, но история моего племянника все изменила.

За прошедшие годы я обзавелся снаряжением. Бывают предметы, которые их владельцы или драматические события насытили столь мощным духом, что я могу брать их с собой. Благодаря этому у меня есть оружие и разные устройства, которые в нашем мире выглядят ржавым хламом, но их Ка действует так, как мне нужно в Междумирье.

Один из этих предметов – Марлен. Марлен – это мотоцикл, давно мертвая проржавевшая BMW P-75 «Сахара» с коляской. Она была очень важна для своего

владельца, штурмфюрера Вилли Штемке. Он умер на ней, до самого конца не выпуская руль из рук. И даже потом долго не мог с ней расстаться. Езда на Марлен являлась единственной радостью, которая досталась ему за всю его девятнадцатилетнюю жизнь. Он не видел, не делал и не знал ничего хорошего, кроме Марлен. Даже женщины у него никогда не было.

В нашем мире это лишь стоящий в моем гараже ржавый труп с заросшими поршнями, простреленным баком и истлевшими проводами. В Междумирье, однако, достаточно один раз дать пинка по стартеру – и Марлен срывается с места как нетерпеливый рыцарский конь. Я выкатываюсь под небо кирпичного цвета и мчусь по городу призраков и снов, поглядывая на Буссоль. Ее циферблаты вращаются и крутятся словно астролябия, в поисках завихрений эмоций и колебаний эфира, которыми сопровождается внезапная смерть и появление в Междумирье очередной потерянной души, не знающей, что делать дальше.

Этой ночью я чувствовал: что-то изменилось. Что-то было не так. Вишневое небо выглядело как всегда, точно так же по нему переливались странные желто-голубые фракталы, подобно туманностям с астрономических фотографий, но в воздухе явно висело нечто дурное. Ощущалась тревога.

Я кружил по призрачному темному городу, озираясь. Большинство существ, которых можно там встретить, – размытые пятна мрака, проносящиеся на границе поля зрения. Некоторые приходят сюда из других миров, а некоторые здесь рождаются. Их производят на свет люди, и они больше всего похожи на животных – каких-то ядовитых медуз или пауков. Их реакции инстинктивны и бездумны. Встретив кого-то вроде меня, чаще всего они просто бросаются наутек.

Иногда, хоть и редко, мне встречаются лунатики. Я называю их так, но это не ходящие во сне, а такие же идиоты, каким был я когда-то. Экспериментаторы, упражняющиеся в искусстве развоплощения в астральное тело. Им хочется парить в воздухе, проходить сквозь стены и улицы, тайком посещая тех, кого они любят или желают, и они оставляют свои покинутые беззащитные тела на милость демонов. Здесь, в краю Полусна, они сами напоминают призраков. Полупрозрачные и легкие, носятся туда-сюда и чаще всего, поняв, что не одни, бегут обратно в свои тела, как прячущиеся в нору мыши. Настоящие призраки выглядят здесь реально и четко, напоминая существ из плоти и крови.

Мне доводится видеть самые разные создания. Они гротескны и уродливы, будто карикатуры на полулюдей-полузверей, но, когда на них смотришь, выглядят весьма угрожающе.

Обычно я не могу спокойно смотреть на картины Иеронима Босха – слишком знакомо все выглядит.

Пытаясь свыкнуться с ними, я даю им названия, словно естествоиспытатель, открывающий и классифицирующий неизвестную фауну. Все сразу становится более знакомым и привычным.

«А, да это лишь кусач!» Или: «Что-то плоскогильцы сегодня низко летают. Похоже, прольется кровь».

На самом деле улицы обычно пусты, ветер гонит по ним клубы серебристого пепла, а твари и чудовища таятся где-то во мраке. Они действительно сбегаются и слетаются, почуяв свежую пневму, но только в этом случае.

Этой ночью, однако, было оживленно. Вокруг моего дома крутилось несколько скексов, что не предвещало ничего хорошего. Они чуют смерть, причем внезапную и пакостную, такую, после которой остается множество начатых и прерванных дел. Они сидели на корточках, завернувшись в свои полотнища, или неподвижно стояли, будто мрачные марабу над трупом крокодила. И смотрели.

Смотрели на мой дом.

Я слышал шепот, шипение и хихиканье, шелест сухих мертвых листьев. Какие-то другие твари кружили по улицам; в снопе света от фары Марлен пробежало зубастое, покрытое шипами существо, окинув меня неприятным взглядом лиловых глаз. Даже в небе кружили похожие на скатов длиннохвостые силуэты.

Найдя дом, в котором по ту сторону сна жил мой племянник со своей девушкой, я припарковался на тротуаре. Вдоль улицы стояли нечеткие Ка нескольких автомобилей, похожие на тени. Либо нынешние автомобили не имеют души, либо их владельцы не придают им значения – не знаю. Старый каменный дом был хорошо виден. Эмоции, мысли и мечты сотен жильцов сотворили за прошедшие годы множество мыслеформ, которые ползали по стенам, скреблись и пробегали в полумраке, кружили вокруг испускавших тусклый рыжий свет

лампочек, будто мотыльки. Какие-то худые уродливые создания сидели на карнизах и балконах, подобно средневековым горгульям.

Найти дверь на самом верху лестницы, перечеркнутую бело-красными лентами из пленки и опечатанную полосками бумаги со штампами районного отделения полиции, не составило труда.

Одним движением сорвав полоски, я достал из-за пазухи обрез и пинком распахнул дверь.

Ничего.

Внутри было темно и пусто.

Будто нечто пожрало целиком Ка мебели, стен и предметов, оставив лишь мрак.

Я позвал Магду. Она наверняка должна быть тут. Мне хотелось помочь ей, выпустить на ту сторону, а также задать несколько вопросов. О том, о чем она узнала только теперь.

Но она исчезла.

Естественно, она могла сразу перейти дальше. Даже при столь чудовищном конце подобное иногда случается.

Я так ничего и не узнал.

На лестнице на меня свалилось нечто, для чего у меня не имелось названия. Оно упало с потолка, блестящее, словно ртуть, и одновременно похожее на скорпиона, богомола и отлитую из серебра женскую статуэтку. Я прикрылся рукой от чего-то шипастого: похоже, конечности – острые как стекло когти – мелькнули у самых глаз, и я увидел слепую продолговатую голову, щелкавшую серебристыми человеческими челюстями, напоминавшими зубные протезы. Рука, державшая тяжелое оружие, увязла среди судорожно дергающихся лап существа.

Оно оказалось невероятно быстрым.

И сильным.

Все продолжалось несколько секунд.

У меня есть плащ – длинный, кожаный и тяжелый, который здесь действует как броня. Именно он спас меня. Я махнул рукой, забрасывая ее на извивающееся тело и отгораживаясь от яростно лязгающих челюстей. А потом, найдя опору для левой ноги, пнул тварь, сбрасывая ее с лестницы.

Подняв освобожденный обрез, я нажал на курок.

Звук выстрела заполнил лестничную клетку словно водопад. Тело твари за клубилось точно облако дыма и превратилось в узкую струйку, всосавшуюся в ствол.

Это выглядит как выстрел из двустволки в пущенном назад фильме. Сперва вспышка, потом облако, которое затем втягивается в дуло. А в самом конце я переламаваю оружие и выбрасываю из патронника заряженную гильзу. Вдобавок ко всему она не горячая, а чертовски холодная.

И заполнена демоном.

Я поехал в лес. Буссоль вибрировала и металлически позвякивала, кольца вращались вокруг оси, стрелка указывала направление.

Лес.

За старой железной дорогой.

Когда я приехал, они уже были на месте.

Призрачный автомобиль, сквозь который просвечивали уродливые Ка деревьев.

И три призрака. Два с пистолетами и один со связанными за спиной руками, стянутыми белой пластиковой лентой одноразовых наручников.

Они даже не потрудились выкопать могилу.

– Говорили тебе, придурок?! – орал тот из палачей, что повыше. По крайней мере, ему были свойственны какие-то эмоции. – Говорили?! Чтобы не лез не в свое дело?!

Я ничего не мог поделать. Сейчас они не принадлежали моему миру.

Обреченный сражался за последние капли достоинства, но слезы помимо воли текли по его щекам, ноги в промокших штанах дрожали как в приступе малярии. Зато душа его сияла ярким огнем ужаса, частично покидая тело. Наверняка он чувствовал, будто его тело немеет и куда-то проваливается.

Я облокотился о руль и закурил самокрутку – точнее, Ка самокрутки. В Междумирье даже у курева есть душа.

Выстрел прозвучал глухо и плоско. Призрак выстрела.

Потом еще один. И еще.

Я ждал.

Прежде чем он умер, я успел докурить. Потом снова пришлось ждать, пока пройдет первый приступ паники. Пока он откашляется, выплечется, проблюется среди кривых деревьев, под пересеченным светящимися линиями чужим небом цвета крови, по которому переливаются желто-голубые фракталы.

Пока он не поймет, что его нет в живых.

Я смотрел, как от самых глубоких теней отрываются клочья мрака, принимая форму карликов в глубоких капюшонах и ниспадающих накидках. Я слышал их хищные смешки.

Я дождался, пока они за ним погонятся.

А потом, не спеша растоптав окурок, обмотал руку снятым плащом и пошел наводить порядок.

Ворвавшись в скопище тварей – в основном обычных гулей, – я разогнал их. Почувствовав, как чья-то рука хватается меня за плечо, я вывернулся, уклонился от щелкнувших акульих челюстей, пнул куда-то наугад и полез за пазуху за тесаком.

Следующие секунды были полны воплей, хаоса и суматохи. Я отправил какую-то тварь мордой в ствол дерева, наступил на подобие накидки, рубанул по башке чудище с головой жабы, ударил лбом в лицо сморщенного старичка с напоминавшей зубастую букву «V» улыбкой и мертвенно-зелеными, как гнилушки, глазами.

Клиент скорчился под деревом, закрыв голову руками.

Медленно убрав тесак, я улыбнулся ему. Он смотрел на меня с невыразимым ужасом. Будучи намного крупнее него, седой, усатый, со шлемом на голове и покрытыми татуировками руками, для него я был еще одним демоном.

– Ты умер, – сказал я. – Но застрял между мирами. Я могу забрать тебя отсюда.

– Куда? – прошептал он.

– Туда, куда ты должен был перейти, но не можешь.

– Нет! – внезапно истерически взвизгнул он, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. – Нет! Я отправлюсь в ад!

Честно говоря, я понятия не имею, что находится дальше. Мы живем на первом этаже, а я знаю еще второй, и у меня есть ключи от лифта. Откуда мне знать, как далеко до кабинетов Управления? Один этаж? Бесконечность?

– Не обязательно, – заверил я его. – Наверняка в тебе еще осталось что-то хорошее.

– Нет! Я сгнию в аду! Уйди от меня! Уйди! Господи спаси!

– Ладно. Но тогда тобой займутся гули. Или какие-нибудь другие твари, похуже. Так или иначе, ты останешься здесь. И со временем станешь одним из них. Это никогда не закончится, сынок. Честно говоря, оно только началось. И никто тебе здесь не поможет. Добро пожаловать в Междумирье.

Вернувшись к мотоциклу, я бросил плащ в коляску, ударил ногой по стартеру и сорвался с места.

Он гнался за мной, крича и размахивая руками. Я наблюдал за ним в зеркало заднего вида, пока он не споткнулся и не упал, взбив лицом облако серебристого пепла.

Лишь тогда я вернулся.

Я медленно описывал около него круги, пока он поднимался с земли.

– Я воровал! – заорал он. – Я убил человека! Я не ходил в костел! Я нападаю на других! Я вымогал дань! И... это... шантажировал! Я сидел в тюрьме! Я ругался! Я изменял жене! В Великий пост! Я работал в воскресенье! Я дал пинка монашке!

– Хватит, – прервал я его, останавливая Марлен и выключая двигатель. – Я что, похож на ксендза? Я не исповедую. И не осуждаю. Только перевожу на другую сторону.

– А меня переведешь?

– Ты должен заплатить мне обол.

– Это еще что?

– Древние греки верили, что мир живых и мир мертвых разделяет река времени, Стикс. Можно переплыть на другую сторону, но для этого нужно заплатить перевозчику обол. Такая греческая монета. Поэтому в рот умершему клали деньги. У тебя случайно ничего нет во рту?

– В Греции уже евро... – ошеломленно пробормотал он.

– Можно и евро, – услужливо согласился я. – Евро, доллары, злотые, золото, информация, иены, облигации, программное обеспечение – что угодно. Но ты должен заплатить перевозчику.

Он ощупал карманы, усердно поддакивая, и наконец нашел Ка своего бумажника.

– Нет, сынок, – сказал я. – Ты мертв, а я возвращаюсь в тот мир. Мне нужны настоящие деньги. На той стороне.

– У меня... был бумажник.

– Его забрали твои дружки, – объяснил я, присаживаясь на седло Марлен.

– Сардель и Клапан? Вот сволочи! Обобрали меня мертвого?!

– А зачем добру пропадать? – спросил я.

– Ну... не знаю. – Он словно увял.

– У тебя не было никакой заначки на черный день?

– Была, дома.

– Вламываться не стану, – сообщил я. – Соображай.

– Акции! Акции подойдут?

– Подойдут. Сколько?

– Полторы тысячи акций Олебанка. Стоили по пятьдесят злотых! Пойдешь к одному типу, его звать Корбач, Ясек Корбач, он работает в инвестиционном фонде «Гриф», назовешь ему пароль «фуфло» и скажешь, что тебя прислал Бекон. И он заплатит тебе за них наличными.

– Иди-ка сюда. Хочу увидеть твои глаза – может, заливаешь? Не забывай, ты умер. Я могу тебя отправить не только наверх.

Я достал обрез из кобуры. У клиента округлились глаза.

– Нет! Богом клянусь! Пароль «фуфло»! Нет!

Он не врал. В его ауре мерцал лишь страх. С него и так хватило – в конце концов, сегодня его уже однажды застрелили.

И я его перевел.

– Иди к свету... – сказал я.

Всегда так говорю.

Когда я возвращался домой, на лесной тропе кто-то стоял. Черный силуэт в треугольной шляпе, закутанный в короткий плащ и в сапогах выше колен, опирался на воткнутую в землю рапиру. Альдерон.

Конкурент.

До определенной степени он не отличался от меня. Мы встретились недавно, года четыре назад. Я разозлился, поскольку считал, что этот мир принадлежит мне одному. Сперва мы игнорировали друг друга, а потом я считал его последней сволочью.

А еще чуть позже я нашел его в мире живых. На самом деле его звали Блажей.

Ему было всего четырнадцать лет.

И пять из них он лежал в коме, живя, по сути, лишь в Междумирье. Здесь он был не бледным скелетом, подключенным к проводам, а воином по имени Альдерон. С тех пор мне его жаль, но я никогда не подавал виду. Он не знает того, что знаю я.

Альдерон редко кого-то переводит. Он хочет очистить страну Полусна от демонов. Но если он и переводит кого-нибудь, то даром.

Портя мне весь бизнес.

Он показал открытую правую руку, в которой не было оружия. Я слез с мотоцикла и показал ему свою.

– Я знал, что тебя тут найду, – заявил Альдерон. – Переводил кого-то?

Я кивнул.

– Дорого?

– Не лезь в чужой карман, – буркнул я. – Может, ты и миллионер, а мне нужно на что-то жить. К тому же таковы принципы.

– Ты сам их придумал, – ответил он. – Оболом называлась мелкая монета.

– Я уже переводил за пять злотых. Чего тебе надо, Альдерон?

– Что-то происходит. Заметил?

Кивнув, я достал из кармана гильзу и бросил ему. Он подставил руку в толстой перчатке.

– Видел когда-нибудь подобное?

Он подцепил большим пальцем свинцовую пробку и понюхал, затем поморщился и снова заткнул гильзу, кашляя и махая около лица другой рукой.

– Гадость, – сказал он. – Видел. Сегодня уже три. Новые. Но, по-моему, это мыслеформа.

– Такая большая? Ерунда! Это демон.

– Ну да. Ведет себя как демон, выглядит так же. Но рожден из человека. Они не нападают, только прочесывают город, будто что-то ищут.

– Ты был тут в прошлую пятницу?

Он молча кивнул.

– Умерла девушка. Ее убили, причем весьма пакостно. Ты переводил ее или, может, видел, как она перешла сама? В центре, около площади Свободы.

Он покачал головой.

– Я ничего не видел. Во всяком случае, не переход. Зато я видел толпу демонов и мыслеформ. Они вели себя как стая, именно в центре. Раньше я такого не встречал. Там были и эти твои... богомолы. И множество птицеголовых. Если эта девушка была там, могла на них напороться.

– Обрати на нее внимание. Брюнетка, худая, молодая. Если она тебе встретится, дай знать.

– Какая-то важная персона?

– Девушка моего родственника. И, возможно, причина этого бардака.

Он нахмурился, но промолчал.

– Пока, Альдерон. – Я ударил по стартеру. Бедный парнишка. Его в любой день могут отключить, и тогда я сам его переведу. Даром.

К черту принципы.

Покрывавший улицы пепел высоко поднимался за колесами клубящейся пеленой. Пепел и пыль. И ничего больше.

Выспавшись, я с самого утра поехал в инвестиционный фонд «Гриф». Пан Корбач принял меня не слишком доброжелательно, пока не услышал пароль «фуфло».

Он предложил сделать перевод на банковский счет, но я объяснил, что в силу ситуации, в которой находится Бекон, это вряд ли возможно, к тому же я спешу. Корбач налил мне кофе, а через полчаса выдал деньги. У него тряслись руки.

«Фуфло» оказалось стоимостью почти в шестьдесят тысяч, в сотенных банкнотах, упакованных в перетянутые бандеролями пачки. В обычный конверт они не поместились, высыпавшись на стол. В конце концов он запихал их в большой конверт для документов и завернул в пакет величиной с кирпич.

Затем он торопливо проводил меня до двери, попросив обязательно передать привет Бекону.

Я заверил его, что сделаю это при ближайшей возможности.

Вернувшись домой, я спустился в подвал.

Там у меня есть помещение, замаскированное фальшивой стеной и защищенное огнеупорной дверью. Внутри подвальные стеллажи из «Икеи» для самостоятельной сборки, а на них – картонные коробки, в которых я держу оболочки. Они рассортированы по номиналам; бижутерия покоится в выставленных бархатом футлярах, еще есть банки с царскими пятирублевками, шнуры с нанизанными на них кольцами, а также коробки из-под обуви, где оказывается томпак, фальшивые деньги и прочие бесполезные предметы. Попадают и такие. Также у меня есть бельевая корзина, в которую я бросаю испорченные банкноты – окровавленные, чем-то залитые или обгоревшие.

Я не скряга.

Я просто понятия не имею об отмывании денег. Не могу же я пойти в банк и внести все это на счет. Поэтому оно лежит на полках.

Возвращаясь наверх, я услышал протяжный стон, почти крик. Мой племянник проснулся и, вероятно, несколько секунд лежал в блаженном неведении, какое обычно бывает утром, а потом на него сокрушительным ударом обрушился прежний кошмар.

Я принес ему стакан воды и несколько таблеток. Новый день – новая пилюля.

Потом он сидел в кресле в гостиной, скованный химией, и раскачивался, будто аутист, глядя в пространство, как тогда, на вокзале. Перед ним одиноко и печально стоял завтрак.

Я расхаживал по террасе, глядя на цветущие сливы, и напряженно думал, не в силах усидеть за столиком с кофе и газетой.

Когда я понял, что средства подействовали, пошел поговорить с племянником.

– Расскажи мне про свою бывшую жену, – потребовал я.

Он не понял, что я имею в виду.

– У вас толком не складывалось? С самого начала?

Павел рассказывал неохотно – казалось, он уже и сам не знает. Когда-то он думал, что всё в порядке, а потом оказалось, что мгновения, которые он считал почти идеальными, для нее либо ничего не стоили, либо вызывали лишь жалость. Мне это ничего не дало. Новое лицо его бывшей жены, пылающее яростью и ненавистью, заслонило и забило для него все прошлое. Ничего хорошего он не помнил.

Еще до полудня она ему позвонила. Он ходил по гостиной с мобильником у уха и отвечал «да», «нет» и «не знаю», а в ответ из динамика доносилось ритмичное тархтение шарманки. Судя по ритму голоса, речь шла о перечне решительных и достаточно агрессивных требований. Не знаю, что именно она говорила – впрочем, меня это не особо волновало, я лишь изредка отрывал взгляд от газеты.

Маклер Корбач был прав. Акции Олебанка серьезно упали, и сегодняшние продажи приносили лишь потери. Увы, ни я, ни Бекон не могли ждать.

Павел пытался странно спокойным голосом объяснить своей бывшей, что сейчас не лучшее мгновение его жизни. Он стал свидетелем и в каком-то смысле жертвой убийства, провел несколько дней в больнице и ему временно негде жить.

В ответ он получил очередную порцию решительных жужжаний, словно в корпусе телефона была заперта разозленная оса. Тогда он тоже начал на нее орать и в конце концов швырнул куда-то телефон.

На первой странице городской хроники сообщали, что некий ксендз попал под трамвай.

Все началось час спустя. Павел лег, а я сидел в гостиной и просматривал «Мифологию народов Сибири» к четверговой лекции.

Сперва я заметил, что стало темно. Только что светило яркое солнце, и вдруг его свет потускнел, став грязно-желтым, как перед грозой.

Появились птицы – тысячи мелких пташек, сбившихся в гигантскую, словно туча, стаю, которая кружила над моим домом, извиваясь кругами и зигзагами, будто единый организм. И оглушительный щебечущий хор. Я ошеломленно смотрел, как они садятся на сливы, сосны и тополя по всему району. Миллионами. Подобно саранче.

Затем по коже побежали мурашки. Поднялись дыбом волоски на предплечьях, будто я провел ладонью перед экраном телевизора.

А потом неожиданно наступил арктический холод.

Внезапно охваченные паникой птицы взлетели, хлопая тысячами крыльев. Ветви вмиг опустели.

Я почувствовал, как нечто идет через гостиную. Ничего не видел, но ощущение было явным. Кто-то шел через мою гостиную.

К моему дому не приближаются даже скексы, даже ноябрьской ночью. Он укреплен словно цитадель.

Тем не менее что-то двигалось по самой середине комнаты, в ясный солнечный день, как ни в чем не бывало. По моему ковру.

Со стены с грохотом упала африканская маска и поползла по полу.

Мимо моей головы внезапно пролетел жадеитовый зеленый Будда, ударившись о дверной косяк. Одна за другой зазаскрипели ступени, будто нечто тяжелое поднималось наверх.

Я помчался туда, перепрыгивая через две ступеньки. Дверь комнаты, в которой спал Павел, приоткрылась, и оттуда веяло холодом.

Ничто из того, что я до сих пор видел в Междумирье, не осмелилось бы врываться в этот дом.

Внезапно оно ушло. Снова стало тепло, в окна ударили лучи солнца, точно пробившись сквозь тучи.

Оно ушло само, но я чувствовал – оно было столь могущественно, что могло бы прямо сейчас растерзать нас обоих в клочья. Если оно заставило потускнеть солнце?!

Мой племянник плакал во сне.

Ничего не оставалось, как ждать сумерек.

Сидя в гостиной и глядя в окно, я решил, что возьму его с собой. Он получит слабую дозу, и с ним ничего не случится. Рядом со мной он в любом случае находился в большей безопасности, чем если бы остался здесь, в доме, который не обеспечивал защиту. Я чувствовал, что присутствие Павла способно мне помочь.

Ему не хотелось пить ту рюмку. Он отказывался, вертел носом. Мне пришлось прибегнуть к словам: «Что, даже с дядей выпить не хочешь?» Тогда он вспомнил, что находится в гостях у сумасшедшего. Сделав глоток, отважно поборол дрожь отвращения, а затем грохнулся головой о стол. Подобного я не встречал даже у азиатов, которые физиологически слабо устойчивы к алкоголю.

В Междумирье мой племянник ошеломленно уставился на лежащее на столе собственное тело, а потом на свои руки.

– Ты меня убил, – прошептал он. – Почему?

– Только временно, – объяснил я. – Ты вышел из своего тела, я тоже. Нам нужно пойти кое-что проверить. Ты хочешь освободиться или нет?

– Поскольку я знаю, что сплю, все равно скоро проснусь, – с некоторым сомнением проговорил он.

– Не так скоро, – заверил я его. – А теперь слушай внимательно.

Я рассказал ему о крае Полусна и заверил, что, пока он со мной, с ним ничего не случится. Объяснил, что мы ищем Магду, чтобы они оба могли наконец обрести покой.

Павел отважно воспринял мои слова. Убежденность в том, что он спит, очень ему помогала.

– Мотоцикл? – с некоторым отвращением спросил он. Мотоцикл не слишком подходил для загробного мира.

– У всего есть какая-то душа. И у зверей, и у предметов. Это нечто вроде призрака мотоцикла, я называю подобное Ка. Все эти вещи – моя одежда, оружие, шлем – существуют в реальном мире. Они населены духами, если такое определение больше тебя устраивает. Я забираю с собой их Ка, которые позволяют мне действовать по ту сторону. Они защищают меня, как этот шлем, который когда-то спас жизнь одному солдату и стал его талисманом. Благодаря ему человек вернулся невредимым из Вьетнама. Думаю, я мог бы заниматься тем же самым и без них, но так проще. Это примерно как обладать пистолетом: осознание, что он есть, позволяет чувствовать себя увереннее. Психологический момент. Садись, поедешь в коляске.

Мы выехали в туманный мрачный город призраков и чудовищ. Такая у меня работа.

– Это те самые... гули? Которые похожи на кошек?

– Нет. Это и есть кошки.

– Обычные кошки?

– Кошки не обычные. Ты не задумывался, почему они столько спят? Большую часть жизни они проводят в Междумирье. Это наш мир кажется им сном.

– А почему небо красное?

– Заткнись и смотри на Буссолю. Скажешь, когда те кольца начнут двигаться.

Пепел клубился на пустых улицах, над нами висело кроваво-красное небо, доносился лишь размеренный треск двигателя Марлен. Жаль, что я не могу дать рекламный совет заводу-производителю: «На мотоцикле БМВ ты въедешь даже в ад!» Они наверняка были бы в восторге.

– Что мы ищем?

– Не знаю. В первую очередь, какие-нибудь следы.

Я потянул за рычаг тормоза. Запищали шины. Павел покачнулся в коляске и схватился за крепление для ручного пулемета.

На перекрестке стояли скексы. Один присел на столбе уличного фонаря. Их было четверо.

Плохо.

Я полез в кобуру и, медленно достав обрез, положил его поперек на бензобак. На них это действует слабо, но все лучше, чем ничего.

Павел молчал, бледный как мел, судорожно вцепившись в ручку коляски.

– Что это?

– Я называю их скексами. Демоны внезапной смерти.

– Я видел такого...

– Знаю.

Скексы начали издавать негромкий, похожий на шепот, шелест. Большие клювы цвета полированной кости задвигались из стороны в сторону. А потом твари отступили, одна за другой слившись с темнотой, и исчезли.

Мы двинулись дальше. Мотоцикл медленно перекатился через перекресток.

На площади у фонтана сидел Альдерон, опираясь на вытащенную из ножен рапиру. Его шляпа лежала рядом, на краю бассейна. Вид у него был крайне усталый. Одну руку он обмотал платком, который успел промокнуть. Капающая на тротуар кровь светилась фосфоресцирующим блеском. Увидев нас, он слабо улыбнулся и поднял раскрытую ладонь без оружия.

Я слез с мотоцикла.

– Я ее видел, – сказал Альдерон.

– Ты видел Магду?!

– Нет. Я видел мать демонов.

– Что?!

– Каждую ночь она рождает новых демонов. Это женщина из нашего мира, ставшая вратами в этот. Она впустила в себя нечто могущественное. Мы не справимся, Харон.

Внезапно он заметил сидящего в коляске Павла и замер.

– А это кто? Жмурик? Ты его переводишь?

– Нет. Он жив. Это мой племянник.

Альдерон поднял голову.

- Да ты вконец свихнулся. Он же с ума сойдет!

- Нет. Он убеждает себя, что спит. Нам нужно найти его девушку, и тогда все закончится. Нужно найти ее и перевести.

- Это она - врата?

- Нет. Но она что-то значит. Что-то пришло в мой дом, Альдерон. Сегодня. Среди бела дня. И оно явилось за ним, - я кивнул в сторону Павла.

- Хочешь использовать собственного родственника как приманку?

- Только что четыре скекса сбежали от одного его вида. Мы ехали через пустой город. Знаешь почему?

- Они боятся. Он им не принадлежит. Это ей он нужен.

- Идешь с нами?

Альдерон встал, опираясь на рапиру, будто на трость.

- Тебе придется ехать медленнее.

- Сядешь позади меня.

Мы остановились перед домом - неприметным каменным строением с выходящими в сквер балконами.

- Я здесь жил, - сказал Павел.

- Знаю.

Мы сели на скамейку возле пустой игровой площадки, словно три алкаша. Не хватало только бутылки.

– Я расскажу тебе о Лилит, – сказал я. Павел удивленно взглянул на меня. – Расскажу тебе о твоей жене.

Он озадаченно уставился на меня.

– Она нормальная девушка. Никакой не демон.

– Когда-то – да. Но когда человек оказывается во власти худших чувств – ненависти, зависти, злобы, – он влияет на этот мир. Особенно когда эти чувства направлены на другого человека. Видел те странные создания, которые бегают по стенам – маленькие, уродливые, прячущиеся будто крысы, когда проходишь мимо? На которых охотятся кошки? Это мыслеформы. Я тебе говорил, что здесь даже у вещей есть душа. У чувств тоже. Эти создания возникают благодаря дурным мыслям. Их порождает ненависть. Иногда, однако, подобные мысли превращаются для человека в навязчивую идею, сжигая всю его энергию. И тогда он открывается злу. Ему нужна помощь, чтобы разрушать. Физически разрушать он не может, поэтому пытается делать это психологически. И порой является нечто, чтобы его использовать. Обычно это просто демоны. Они хотят перейти в наш мир и при любой возможности втискиваются в тело человека, который им это позволяет, после чего овладевают им. Это одержимость. То же случилось с твоей бывшей, только она впустила в себя саму мать демонов. Есть много легенд о Лилит. Говорят, она была несчастной женщиной, к которой несправедливо отнеслись. А по мнению других – злобной сукой, предпочитавшей трахаться с демонами и с самого начала ненавидевшей своего мужа, которого считала занудным неудачником. Покровительница супружеских конфликтов, интриг, враждебности и измены, убежденная, что она всегда права. Якобы она проклята и теперь рождает новых демонов, чтобы отомстить роду Адама. Вечная мстительница, карающая за мужское непостоянство, всевозможные пороки, любовь к приключениям и за то, что мужчина не слушает, не интересуется, не уверяет, придирается, курит, воняет и смотрит футбол. За то, что он мужчина. Знакомо? Твоя Дорота готова была обрушить на тебя саму преисподнюю, лишь бы отомстить – так оно и случилось. А теперь она заполучила Магду.

– У Дороты душа Магды?

– Нет. Она даже не отдает себе отчета в том, что делает. Посредством нее действует Лилит.

– И что ты собираешься делать?

– Мы входим, забираем Магду, переводим ее и сматываемся домой.
Теоретически.

Альдерон горько рассмеялся.

– Можешь не идти, если не хочешь, – сказал я ему.

– Это скорее моя работа. Я здесь – странствующий рыцарь, а ты – только психопомп, наемник. Естественно, я пойду.

Над городом поднялся шум. Миллионы шепотов, смешков, вой – все слилось в единый гул. По стенам зданий внезапно поползли мыслеформы, по улицам забегали стайки гулей, скексы, кусачи и множество иных созданий, которым я еще не придумал названия. Все это напоминало бегство зверей от лесного пожара.

Альдерон встал со скамейки.

– Что происходит?

– Она его почуяла, – сказал я. – Она приближается. У нас мало времени.

Мы шли рядом: Альдерон с обнаженной рапирой в одной руке и снятым плащом – в другой. Я с тесаком в руке и опертым о плечо стволом обреза, а Павел – сзади, тревожно озираясь, с голыми руками.

Здание выглядело вполне обычно и тихо.

Повернув ручку, я приоткрыл дверь на лестничную клетку.

– Когда-то я здесь жил, – повторил мой племянник.

На лестничной клетке пахло тухлятиной, повсюду вздымался пепел. Было тихо.

Я толкнул вторые, качающиеся двери, и мы наткнулись на трех скексов.

Спокойствие в одно мгновение сменилось хаосом. Альдерон взмахнул плащом – и блеснула рапира; я выстрелил из обоих стволов сразу. Все происходило на фоне оглушительного шипения разъяренных скексов и вопля моего племянника.

Мы победили. Альдерон, кашляя, опирался о перила; на лестницу падали светящиеся капли. Я присел на ступень, тесак выпал из моей руки. На моей штанине выше колена расплывалось светившееся неоном пятно.

Снаружи нарастал шум. Твари приближались.

– Нет времени, – простонал я, выбрасывая из стволов полные гильзы и заряжая две пустые. Мы начали подниматься вверх, ступенька за ступенькой.

На площадке нас ждали похожие на ртутные изваяния богомолы. Безглазые головы одна за другой повернулись к нам, и раздался сухой треск, какой могла бы издавать разозленная гремучая змея.

Выстрелы, яростный вопль, свист клинков.

Опыта у нас с Альдероном хватало. Рутинка. Это мы хорошо умели.

Павел остановился.

– Тут не было таких залов, – прошептал он. – Не было ни таких винтовых лестниц, ни колонн. Мы перепутали дома.

– Это только Ка, – успокоил я его. – Лилит меняет здание по своему вкусу.

По стенам ползли первые мыслеформы – маленькие, слепленные из смолы осьминоги. Время поджимало.

Очередная площадка – очередная схватка, очередная наша светящаяся кровь на стенах и полу.

Мы добрались до места.

Стена обросла винтовыми колоннами и горгульями, но дверь осталась та же – банальная, обитая деревом, с табличкой и звонком.

Павел стоял перед ней, не в силах шевельнуться.

– Поверни ручку, – рявкнул я. – Это легко.

Снизу доносился шорох множества ног.

Квартира за дверью выглядела вполне обычно. На фоне бестелесного тусклого Ка виднелась столь же обычная мебель, стулья и столы.

– Почему тут все выглядит нормально? – спросил Павел.

– Из-за тебя. Это были твои вещи. Они тебя знают.

Дорота спала в соседней комнате. Она лежала на краю кровати, туманная и нечеткая. Изящная блондиночка. Волосы цвета грязной соломы рассыпались по подушке. Рядом, словно плюшевые игрушки, лежали глиняные фигурки. Их очертания были резкими и отчетливыми – они принадлежали Междумирью, и по ту сторону не удалось бы найти их следа.

– Забирай! – крикнул я. Павел послушно расстегнул рубашку и начал запихивать фигурки за пазуху.

– Что это?

– Потом!

Силуэт лежащей на кровати девушки стал четче. Сонно перевернувшись на спину, она широко развела ноги. Ее живот внезапно раздулся, будто воздушный шар, и по нему пошли ритмичные волны. Мы смотрели молча как зачарованные. Изящная, неприметная блондиночка.

Тело изогнулось дугой, под кожей напряглись все мышцы, ноги вонзились пятками в матрас. Между бедер хлынула струя мутной сукровицы, и оттуда выскользнуло что-то скорченное, облеченное в пленочный пузырь. Легко.

Как у кошки.

Пузырь лопнул, разорванный маленькими, острыми как бритвы коготками, и из сплетения членистых конечностей высунулась продолговатая, блестящая как зеркало голова.

Богомол.

Грохнул обрез – и тварь превратилась в струйку серебристого дыма, которую всосало в дуло. Я выбросил полную гильзу.

В это мгновение Дорота открыла глаза – грязно-желтые, с кровавыми радужками. Глаза зверя. А потом из ее горла вырвался оглушительный яростный вопль.

Затем она начала расти. На кровати оставался туманный силуэт неприметной блондиночки, а перед нами выпрямлялась рослая стройная женщина со спутанными волосами цвета меди и пылающими красным глазами. Лилит.

Матерь демонов.

Она доставала головой до потолка. Наполовину – прекрасная рыжая дева, наполовину – чудовище. Мы отступали, сбившись в группу. Я держал бессмысленно поднятый, до смешного маленький обрез.

И тут Альдерон сделал шаг вперед, преграждая ей путь.

– Сматывайтесь! – рявкнул он через плечо.

– Альдерон, нет! – крикнул я. – Ты погибнешь!

– Забирай его и беги! – заорал он в ответ. – Я мертв уже пять лет, и ты прекрасно это знаешь.

Он полез под куртку и достал что-то висевшее на шее. Не знаю, как оно выглядело, но знаю, что это было. Может, фигурка из «яйца с сюрпризом» или магический амулет, полученный от отца. Нечто, помогавшее девятилетнему мальчику, который попал на велосипеде под грузовик, оставаться в живых. Надежда. Он сорвал амулет с шеи и внезапно его окутало ослепительное сияние.

- Бегите!

Мы вышли на лестницу, где ждали сбившиеся в стаю шипящие и скалящие зубы демоны.

- Достань фигурки! - крикнул я.

Племянник послушно полез за пазуху и вытащил терракотовый кувшинчик. Стая пошла волнами и распалась. Стоявшие ближе демоны начали отступать, давя стоявших позади, и перед Павлом образовался проход. Твари расступились.

Они боялись даже подойти к тому, что принадлежало ей. Матери.

Спустившись по лестнице, мы вышли из здания. Стая редела - чудовища пятились от нас. Мы подошли к мотоциклу. На бензобаке сидел рыжий кот, который мяукнул, увидев нас, и подставил голову, чтобы его погладили, а потом поточил когти о седло Марлен и спрыгнул во тьму.

Павел остановился как вкопанный.

- Магда!

- Разбей фигурки, - велел я.

- Зачем?

- Делай, что говорю!

Он швырнул первую о тротуар. Глиняные осколки разлетелись в облаке желтого дыма.

- Что это было?

- Не знаю. Может, твое здоровье, а может, везение. Бей, говорю. Я должен туда вернуться.

Лестница была пуста и выглядела совершенно обычно, как лестница в довоенном каменном доме. Поднявшись наверх, я нашел бывшую квартиру моего племянника.

Альдерон полулежал, опершись о стену, весь светясь от крови. В руке он держал рукоять рапиры с обломком клинка.

Он закашлялся, и по его подбородку стекла светящаяся струйка.

- Найди... мою шляпу...

Шляпа осталась в спальне – я нашел ее на полу. В кровати спокойно спала маленькая неприметная блондиночка, обнимая подушку, и ей снилась месть.

Она сосала большой палец.

Я долго и недоверчиво смотрел на нее.

Нужно сделать то, что можно сделать.

А потом я отнес шляпу Альдерону, надел ему на голову и помог встать. Он падал на мои руки.

- Меня зовут Блажей...

- Тебя зовут Альдерон, – решительно возразил я. – И ты победил мать демонов.

Он снова закашлялся.

- Нет... Она только ушла... Она вечная. Когда какая-нибудь разозленная женщина снова ее призовет, она вернется.

- Неважно. Ты победил.

- Ты меня переведешь?

- Да.

- Тебе причитается... обол...

Я покачал головой.

- Это я перед тобой в долгу. Альдерон?

- Да?

- Если... Когда будешь там, если найдешь способ, если это возможно... Вернись и расскажи мне, что там? Куда мы уходим?

- Хорошо. Попробую...

Я обнял его.

- Лети, - сказал я. - Лети к свету.

Внизу, у мотоцикла, среди разбитых черепков стоял мой племянник, обнимая свою девушку. Оба плакали.

Я медленно подошел к ним, шаркая ботинками по пеплу.

Пепел и пыль.

Я дотронулся до его плеча.

- Пора.

- Нет! - крикнул он. - Позволь ей остаться!

- Это от него не зависит, - прошептала Магда. - Я должна. Отпусти меня.

Поцеловав его, она подошла ко мне. Я обнял ее худое тело, и в третий раз за эту ночь столб белого света унесся в пурпурное небо Междумирья.

Возвращаясь по пустым улицам, мы оба молчали. Лишь колеса вздымали пепел. Пепел и пыль...

Утром я обнаружил Павла сидящим на кровати. Он недоверчиво крутил головой.

- Если бы... ты только знал, что мне снилось... - выдавил он. - Это было...

Похоже, я сошел с ума. Ты тоже мне снился, дядя.

- После лекарств бывают кошмары, - мягко сказал я.

- Странно, - проговорил мой племянник. - Я чувствую себя намного спокойнее.

Будто снова могу жить. Не понимаю. Видимо, я как-то со всем этим смирился.

Я лишь кивнул в ответ.

Он ушел после завтрака - побрился, оделся, взял сумку и вызвал такси.

Поблагодарив меня, сказал, что теперь точно справится.

А я уселся на террасе, глядя на сливы и думая, что какое-то время не буду работать.

Потом я долго ничего не слышал о моем племяннике и не пытался выяснить, как у него дела.

Примерно месяц спустя я получил посылку без обратного адреса - обычный пузырчатый конверт. Внутри не было письма - только две квадратные коробочки из прозрачного пластика. В каждой лежал небольшой диск из отполированного

чистого золота, на котором был отчеканен неправильной формы круг со стилизованным изображением прыгающего дельфина и нечеткими греческими буквами.

Обол.

После той ночи я ничего не слышал о бывшей моего племянника, но особо и не интересовался.

Мне не хотелось этого знать.

Достав монеты из коробочек, я закрутил их волчком на столе. Они вращались с пронзительным звуком, ловя свет настольной лампы.

Обол для Магды.

И обол для Лилит.

«Пепел и пыль...» – подумал я.

Глава 1

– Берегись терний, – сказал мой мертвый друг. Над его головой в грязно-сером небе клубились неестественно быстро движущиеся тучи. Все тонуло в желтом грозном свете, будто тонированная сепией фотография. – Берегись терний.

Я хотел ответить, но казалось, мои губы залеплены пластырем. Мой мертвый друг тяжело свисал с креста, как на готическом распятии. Его пальцы были скрючены словно когти, вдоль рук стекали струи ржавой, почти черной крови, но ни в запястьях, ни в скрещенные ступни не были вбиты железные костыли. Он держался на древесине благодаря терниям, которыми поросли столб и перекладина. Мой благочестивый друг, пригвожденный десятками твердых как сталь шипов длиной с ладонь, висел на кресте, будто на стволе африканской акации.

Я не мог ни произнести слова, ни крикнуть. Схватившись за лицо, я нащупал между носом и подбородком лишь гладкую кожу. Мой рот исчез. Я не нашел собственного рта!

Мой друг задыхался, свисая с перекладины, с раздавленными собственным весом легкими. Он подтянулся на руках и пробитых ступнях, раздирая тело шипами и источая очередные потоки крови, подтянулся к обезумевшему небу, пытаясь глотнуть воздуха.

- Берегись...

И тут зазвонил телефон.

Я вывалился в мир живых, словно всплывшая подводная лодка. Казалось, реальность взрывается вокруг меня будто вода, распадаясь фонтаном серебристых капель.

Я сидел на смятой постели, ловя ртом воздух подобно рыбе.

Телефон продолжал звонить.

Нет ничего хуже, чем проклятый телефонный звонок посреди ночи. Он никогда не предвещает ничего хорошего. Понятия не имею почему, но жители этой планеты никогда не будят тебя телефонным звонком, чтобы сообщить, что ты выиграл миллион долларов или унаследовал состояние, тебя берут на работу или номинируют на премию. Врач не позвонит в три ночи, чтобы сказать, что ты здоров. С этим можно и подождать. Но о том, что умер кто-то из близких, ты разорен, тебя депортировали в Монголию, что-то сгорело или вспыхнула эпидемия, тебе сообщат немедленно, будут колотить в дверь, вытащат из ванны, выволокут из постели. Будто для них невыносима сама мысль, что еще несколько часов ты будешь жить как обычно – хочется без малейшего промедления обрушить небо на твою голову. Единственное, что не может подождать до утра, – то, с чем ты не сможешь ничего поделать.

Раздался очередной звонок – безжалостный электрический сверчок. Затем две секунды тишины, которые потребовались мне, чтобы сообразить, кто я, где живу и что такое телефон. Когда он зазвонил снова, я размышлял, стоит ли отвечать.

Я снял трубку.

Фоном слышались неоновые электрические потрескивания, будто сигнал прорвался сквозь магнитную бурю на Солнце, какое-то шипение и шелест. А потом страшный, дико отчетливый шепот произнес:

- Пеккатор[1 - Peccator (лат.) - грешник.]... пеккатор...

Связь прервалась.

Я сидел на кровати дрожа. Из лежащей на постели трубки доносились похожие на рыдания короткие гудки.

Я ждал, когда снова проснусь.

* * *

Кошмарные сны – часть моей жизни. Я к этому привык. Наяву или в полусне я вижу подобное достаточно часто. Но, разбуженный под утро кошмаром, темной грозовой ночью, боюсь заснуть и боюсь не спать, как любой другой. Я осторожно лег на подушку, чувствуя, что прямо под веками ждут обезумевшее небо, полное яростно клубящихся туч, и пронзающий его черный, покрытый терниями крест. Я боялся снова заснуть.

Михала уже две недели не было в живых. Я не хотел видеть его снова, на кресте, пронзенного шипами и умирающего под жутким небом.

Я боялся, что вижу нечто, происходящее на самом деле.

Если человек, который однозначно заслуживает спасения, действительно висит где-то в загробном мире, то все мы – потерянные души.

В такие мгновения нужно встать, хотя бы на пять минут. Пойти на кухню, выпить воды или молока, закурить. Сходить в туалет. А потом вернуться в постель и лечь в совершенно другой позе. Взбить подушку, улечься на другой бок.

Тогда кошмар не вернется.

Я не стал зажигать свет, идя по темному дому, – казалось, в темноте что-то клубится, извивается по углам, протягивая ко мне хищные лапы.

Обычное дело для чокнутого.

Гормон сна распадается на свету. Если хотя бы на мгновение зажечь лампу, вероятно, уже не заснешь.

В окно ванной барабанил дождь, в темноте сада что-то шевелилось, ветер трепал ветви. Гроза.

Я спустил воду, и тут на меня с грохотом обрушился удар грома; ванная наполнилась пульсирующим светом, в котором я увидел освещенный синим сиянием силуэт за окном – овальное пятно с черными провалами глаз и рта, будто на картине Мунка.

Я не закричал, лишь захлебнулся воздухом, чувствуя себя так, словно сквозь мое тело прошел разряд молнии. Волосы встали дыбом.

А в следующую секунду я понял, что это я.

Это был мой собственный силуэт, отраженный в стекле. По спине побежали ледяные мурашки; я чувствовал, как трясутся руки.

Я несколько раз глубоко вздохнул, глядя на залитое дождем стекло и покачивающиеся на ветру ветви. Мне нужна была женщина, таблетка секонала и, может, чашка чая.

Мне доводилось видеть призраки и трупы. Я переводил души на другую сторону света, путешествовал между мирами. В моем подвале лежали деньги, которые я получил от умерших. Тем не менее мне удалось довести себя до такого состояния, что я дрожал как осиновый лист в собственной ванной при виде отражения в окне. По причине дурного сна и грозы. И времени – четырех утра.

Паршивого часа волка, когда человеческий разум беззащитен как у пятилетнего ребенка. Четыре утра. Время, когда бьют прикладами в дверь. Время тайных убийц, тайной полиции и привидений.

Успокоившись, я направился обратно в спальню.

И тут в свете очередной молнии увидел ладонь.

Отпечаток ладони на стекле.

Медленно исчезающее пятно инея в форме ладони с растопыренными пальцами, отпечатавшееся на стекле снаружи.

Отпечаток полностью исчез в течение пяти секунд, которые я посчитал.

Остались только темнота, дождь и гроза.

И человек, стоящий в собственной темной ванной, с превратившимися в куски бетона ногами.

* * *

Телефон зазвонил снова, едва я закрыл глаза.

Бывают такие дни.

Я поднял веки, показавшиеся мне частично парализованными и присыпанными песком. Оказалось, уже светает; гроза за окном сменилась безнадежной моросью. Я посмотрел на часы. Четверть седьмого.

– Добрый день, надеюсь, я вас не разбудил? – слышался скрипучий старческий голос. Судя по тону его обладателя, он полагал, что разбудить кого-то приличного в такое время невозможно. – Это отец Лисецкий. Я по делу брата Михала.

У Михала не было брата. Он сам был братом. Мой покойный друг был монахом. Иезуитом. Вот только уже две недели у него не могло быть никаких дел.

– Вы разве не должны быть на заутрене, отче? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал не слишком сварливо.

– Заутреня в четыре, – слегка удивленно объяснил он.

– В четыре. Запомню.

Теперь я сообразил, кто это. Худой старичок в сером свитере, с улыбчивыми глазами, торчащим кадыком и слегка ястребиными чертами. Типичный настоятель, будто сошедший с картины.

– Не могли бы вы сегодня подъехать к нам?

– В монастырь? – Вопрос прозвучал глупо, поскольку ни сети пивных, ни ночных клубов они не держали.

– Брат Михал кое-что для вас оставил.

– Что? – Михал умер внезапно. Крайне внезапно. Вряд ли он мог ждать смерти.

– Приезжайте, пожалуйста. В семь?

– В восемь, – решительно сказал я. Я не начинаю дня с молитв и постов, не занимаюсь самобичеванием вместо завтрака. Я – вполне светская личность. Мне нужны зубная щетка, бутерброды, горячая вода, самокрутка и чашка кофе.

По пути в Брушницу, где находился монастырь, в котором обитал мой умерший друг, я уже не ощущал страха. Ночной кошмар рассеялся. Остались только грусть и сонливость. Переходные времена года – не лучшая для меня пора, как и для любого вроде меня. Безумие любит возвращаться осенью или ранней весной. Оно любит туман и свинцовое, покрытое тучами небо. Ты просыпаешься утром, чувствуя либо неопределенный страх, либо тоску, а иногда и то и другое. Я хотел бы проснуться веселым и улыбающимся или хотя бы ко всему безразличным, но единственное, на что могу рассчитывать, – выбор между

тревогой и отчаянием, а еще надежда, что я не свихнусь окончательно.

Городок был тих и безнадежен, окутанный туманом и моросью, словно траурным саваном. Явно умирал, не в силах решить, город он или деревня. Казалось, его построили в состоянии клинической смерти. Улицы полны выбоин, на тротуарах ни одна плита не лежала прямо. Все металлическое проржавело и погнулось, все деревянное поломалось, со всего покрашенного облезла краска.

Едва въехав в городок, я наткнулся на похороны – со свойственной мелким населенным пунктам пышностью смерти, со всей дешевой серьезностью, какую создают пластиковые белые каллы и бумажные хризантемы. Чернота, серебро, кованые венки из металлопластика; конный катафалк, напоминающий экипаж Дракулы; мужчина в черной треугольной шляпе и плаще, несущий погребальную хоругвь с изображением Смерти; ксендз в дождевике и с Библией в руке; небольшая процессия на обочине, поблескивающая чешуей раскрытых зонтиков, будто черная змея.

Сжав руки на руле, я пропустил шествие, стараясь не смотреть людям в лица. Я знал, что видение вернется. Просто было такое время года – с этим ничего не поделать. В таком состоянии я воспринимаю окружающее подобно некоему датчику – чувствую запах тухлятины и плесени из квартир, в которых теснились эти люди, где среди блестящей от потрескавшегося лака мебели единственным живым объектом является мерцающий телевизор, неустанно извергающий сериалы. Я чувствую, как меня со всех сторон окружают захламленные дворы, провалившиеся крыши и покрытые лишайником стены. Я чувствую аромат дешевого вина, слышу пустые разговоры. Скука, безнадега, уродство и монотонность. Жизнь, бегущая по кругу, словно белка в колесе. Они бездумно тарасились на меня, и казалось, у всех одинаковые, безразличные лица. Хоровод манекенов.

Это не вполне иллюзия. Когда я в таком состоянии, чувствую жизнь чужих людей. Чувствую так, будто это мои собственные воспоминания. Я знаю, где они держат деньги и где спит бабушка; чувствую запах их жизни, смрад безнадежной повседневности и несбывшихся надежд.

И в этом нет ничего забавного.

Он стоял на тротуаре, с ошеломлением глядя на процессию. Отчасти напоминал нерезкую, смазанную фотографию – черное пятно костюма, контрастирующее с размытой белизной лица, и дыры глаз, будто кто-то нарисовал его размазанной акварелью. Никто его не видел. Никто, кроме меня. Он просто стоял и смотрел.

Я видел его лишь краем глаза. При некотором опыте можно даже приглядеться к чему-то находящемуся на краю поля зрения, продолжая смотреть прямо перед собой. Я смотрел на процессию и танец стеклоочистителей, не имея ни малейшего желания видеть этого человека, но все равно видел его.

Он наблюдал за собственными похоронами.

Остановившись на обочине, я подождал, пока все пройдут и успокоится мое отчаянно бьющееся сердце. Мужчина на тротуаре исчез.

Возможно, он пошел посмотреть, что они станут делать на кладбище.

А потом я двинулся дальше. Мне следовало давно привыкнуть, но это не так легко. Привыкнуть к такому невозможно.

Несколько промокших горожан грустно бродили перед продовольственным магазином, по маленькой площади в стиле ренессанса топтались голуби. Я остановил машину на пустой площади перед ратушей, где белой краской было криво нарисовано несколько прямоугольников парковочных мест.

Подобный городок мог стать жемчужиной и туристической достопримечательностью, но пока на площади невозможно даже выпить кофе. Она могла похвастаться разве что кошмарным рестораном «Ратушный», меню, обстановка и обслуга которого помнили времена Гомулки. Здесь не было зонтиков, пабов или кафе-мороженых. Не было ничего. Только грязь, безработица и тоска.

Если бы я не знал, мне даже в голову не пришло, что здесь находится огромный монастырь. Большое неоготическое строение, возвышавшееся над площадью, видел каждый, но для обычных прохожих это был просто костел – более готический, чем сама готика, украшенный розетками, стрельчатыми сводами, горгульями, башенками и пинаклями; уходящий в небо ошетилившимся остриями великолепием.

Внутри царил угрюмая, пахнувшая фимиамом прохлада – здесь венчали новобрачных и отпевали умерших. Но за алтарем и стеной находился другой, невидимый костел, предназначенный для монахов. И другой мир. Мир тишины, кирпичных стен, вечного холода и странной, не то военной, не то тюремной дисциплины. Мир, который выбрал мой друг.

Вход на территорию монастыря вел с боковой улочки через узкую деревянную калитку к сплошной стене из кирпича. Надежный проход, разделявший два мира. За такие ворота не проберется ничто мирское, не проникнет сомнение или грех. От них отразятся MTV, перемены в обществе, моральный релятивизм, супермаркеты и карьера в корпорации – отразятся как волна от скалистого утеса. Ты закрываешь за собой тяжелые ворота – и для мира ты мертв. По крайней мере, так казалось.

Когда я был здесь впервые, меня удивило, насколько тяжела эта дверь, и заметил, что дубовая панель маскирует многослойную литую сталь, а вдоль стены смотрит слепым циклопическим глазом скрытая под навесом продолговатая головка камеры видеонаблюдения. На двери висел кованый молоток, но следовало воспользоваться заключенным в титановый корпус сверхсовременным домофоном, в котором имелась щель для магнитной карты и блестящий прямоугольник сканера отпечатков пальцев.

Открывая тогда эту дверь, Михал пытался ввести код быстрым движением иллюзиониста и закрыть крышку, чтобы я не успел ничего разглядеть, но я все равно увидел. Он заметил мой испытующий взгляд, и ему это не понравилось.

«Сейчас столько краж со взломом, – отмахнулся он. – Некоторые манускрипты слишком ценны, так что лучше потратиться на замки, чем потом пожалеть».

Ну да, конечно. Я достаточно долго его знал, чтобы понимать, когда он лжет.

Внутри шла таинственная монашеская жизнь, но вблизи она выглядела скорее прозаически.

По кирпичным стенам вился плющ, с навеса над аркадой капал дождь, какой-то монах сметал прошлогодние листья с усыпанного гравием внутреннего двора с колодцем посередине. Вернее, я предполагал, что это монах – он был одет в

синий халат и напоминал дворника. Другой вероятный монах, в темном длинном плаще, направлявшийся к калитке с папкой в руках, походил скорее на адвоката. Сопровождавший меня привратник, в свою очередь, носил монашеское одеяние, но прикрытое неопределенного вида черной курткой. Он был плечистым словно вышибала, а его движения – пружинистыми как у пантеры.

Он молчал, а я не считал себя обязанным развлекать его разговорами.

* * *

Настоятель принял меня в кабинете, сидя за старым обшарпанным столом, в теплом круге света от лампы, на голой стене у него за спиной виднелось лишь огромное черное распятие. Крест имел в высоту метра два, а на лице висящего на нем Спасителя застыло полное экспрессии жутковатое выражение, какое придавали в эпоху барокко. Ночной кошмар бумерангом вернулся ко мне.

Такому кресту следовало висеть над накрытым красным сукном столом мастера-инквизитора Иоанна из Капестрано. Того самого, который ненадолго посетил Краков, а затем уехал, оставив после себя зловещую детскую считалку:

Эндолик, пендолик, красненький столик

пана Яна Капистрана.

На кого попадет,

Тому голову снесет».

Эндолик – это ремень, если вы не знали.

Я сглотнул, но не подал виду.

В подобных местах мне становится не по себе. Я видел значительно больше, чем многие священнослужители, и ничто из встреченного мною не походило на то, о чем рассказывают на уроках религии. Тем не менее они считают, что все равно знают лучше.

Может, и так.

Вот только я это видел.

Кажется.

Настоятель поздоровался, предложил сесть и налил в чашку чая.

Наливая чай и пододвигая мне маленькое блюдечко с вареньем и печенье, он выглядел просто как худой старик в сером свитере и фланелевой рубашке. Монашеская ряса висела на железном крюке, вбитом в стену, рядом с черным костюмом на вешалке.

Он улыбнулся, сплетя худые, испещренные пигментными пятнами пальцы.

– Вы давно знали брата Михала?

– Мы вместе учились, – непринужденно ответил я. – Это было еще до того... до того, как он ушел в монастырь.

Я понятия не имел, что старику известно о Михале. Знал ли тот о его жене? С другой стороны, они не венчались, так что формально всё в порядке.

Настоятель испытующе смотрел на меня с подозрительной усмешкой на губах. Мне стало интересно, сколько, в свою очередь, ему известно обо мне. Является ли предметом исповеди то, о чем мы разговаривали с Михалом? Может, он и хранил тайну, но был себе на уме.

Я не был уверен, что мне это понравится.

– Уже известно, что с ним случилось?

Настоятель покачал головой.

– Инфаркт. Обширный инфаркт. Такой молодой... Что ж... Богу так было угодно.

В словах не чувствовалось и тени насмешки. С его точки зрения, мы оба наверняка могли считаться молодыми.

Под сводчатым потолком повисла почти осязаемая тишина. Я глотнул чая, уверенный, что хлебаю оглушительно громко; ложка заскрежетала словно лопата.

– Он оставил завещание?

– Он принадлежал к Братству во Христе. У нас не так уж много материальных благ. Завещать особо нечего. Немного одежды, бумаги, какие-то мелочи... никакого состояния.

– Но вы говорили, отче, что он оставил что-то для меня. Откуда он мог знать?

– Он не знал. Это не завещание, а посылка, которую он собирался вам отправить. Ваши личные вещи – книги, шахматная доска. Видимо, взял на время, а отдать возможности не было. И вот... не успел...

В последнее время я не давал ему никаких книг и тем более шахматную доску. У него имелась своя, и он очень ее любил. Впрочем, он достаточно часто ко мне заглядывал, и ему в голову бы не пришло отправлять что-либо почтой. Однако я не подал виду.

Настоятель отхлебнул чая. Из-за окна доносились звуки дождя и размеренный шорох подметающей мостовую метлы. Мне хотелось курить.

– Отче... как это случилось?

Он беспомощно развел руками.

– Ночью. Утром брат Гжегож нашел его мертвым в постели. Господь призвал к себе – это все, что мы можем сказать. Сами знаете, как оно бывает. Медицина... наука... Тем временем нам попросту ничего не известно. Может, он только выглядел здоровым, а болезнь уже разрушила его организм. А может, просто такова воля Божья.

– Где он похоронен?

Настоятель покачал головой, будто пытаюсь мне что-то мягко запретить.

– В нашем склепе. В подвалах костела. Он принадлежал костелу, а теперь принадлежит Богу.

Открыв ящик стола, он пододвинул мне посылку – прямоугольную, упакованную в коричневую бумагу и перевязанную шнурком. Я повертел ее в руках: где-то внутри деревянной коробки загремели фигуры.

Шахматы.

Мы часто беседовали за шахматами. Несмотря на прошедшие годы, нас до сих пор объединяло увлечение старинными настольными играми – солидными, в деревянных коробках, со сложными замысловатыми правилами. Шахматы, триктрак, маджонг, домино, го. Мы пили мою сливовицу или его коньяк, играли и разговаривали.

Может потому, что оба были одиноки. У меня перехватило горло, к глазам подступили слезы. Оставшаяся после смерти близкого человека дыра подобна огнестрельной ране. Может, она и не велика, но сильно болит. Последствия чьей-то смерти – неполный, дырявый мир без умершего. Мы больше не будем спорить на богословские темы или, черт побери, о фильмах. Мне уже не удастся его убедить и не представится случая позволить убедить себя. Он никогда не обратит меня в свою веру...

Я глотнул чая. Настоятель испытующе смотрел на меня.

– Лишь молитва позволяет понять. Иначе остается небытие, отчаяние и одиночество. Верующие никогда не одиноки. Молитесь. Рационализм не даст вам ответа. Его царство заканчивается – стоит задать вопрос о смысле человеческой смерти. Только Бог знает ответ, и только Он может вам его дать.

Я примирительно улыбнулся, но у меня имелось на этот счет собственное мнение. И я знал, что не стоит вдаваться в дискуссии с иезуитами. А царство, которое я видел собственными глазами, не имело ничего общего с рационализмом.

Впрочем, мне сейчас было не до щеголяния перед настоятелем независимыми взглядами. Важнее не расплакаться. Только не здесь, под умирающим в муках Спасителем в стиле барокко и под ястребиным взглядом старика, сидящего за огромным будто катафалк столом. Не как кающийся еретик.

Эндолик, пендолик...

К выходу меня сопровождал очередной монах – молодой, короткостриженный, в рясе с откинутым капюшоном и добродушной крестьянской физиономией. Мы шли по каменным коридорам, минуя ряды деревянных дверей; от пола резко пахло мастикой, как в армии.

– Вы знали брата Михала?

Я показал ему посылку.

– Он был моим другом. Давним.

Монах покачал головой и вздохнул.

– Кто бы мог подумать... Он ведь еще совсем не был стар. И так внезапно... да еще в часовне.

Мне хватило ума не возразить: «А настоятель говорил, что он умер в постели».

– Как это случилось?

– Он лежал в часовне. Крестом.

Монах развел руки, будто хотел показать, что такое крест.

– Так мы его нашли.

– Он жаловался на здоровье? У него что-нибудь болело?

– Михал? Нет. Он никогда не уставал, работал допоздна. Всегда сидел по ночам. Утром в его келье мы нашли разбросанные бумаги, опрокинутый стакан с чаем, а он лежал в часовне. Будто вскочил, опрокинул стул и побежал молиться, даже дверь не закрыл. Странно... – он перешел на шепот. Навстречу нам шел другой монах, несший под мышкой стопку картонных папок. Мой провожатый на мгновение замолчал, дожидаясь, пока тот скроется за поворотом коридора и стихнет эхо его шагов. – И неизвестно, от чего он умер, – прошептал он. – Его даже не осмотрели. Никого не вызывали – ни полицию, ни скорую. Только нашего врача, чтобы засвидетельствовал смерть.

– Вы можете показать мне его келью, брат?

Тот аж остановился.

– Настоятель не разрешит. Там, скорее всего, заперто.

– Поймите, брат, это был мой друг. Я хотел бы попрощаться.

– Вы знаете, чем он занимался? Чем мы занимаемся? – неуверенно спросил он, кусая губы, словно хотел что-то сказать, но не знал, можно ли. По крайней мере, так я это понял. Вряд ли он спрашивал, знаю ли я, что такое монастырь.

Все дело в том, что я не знал подробностей, и больше всего подозрений вызывало то, что Михал никогда не говорил мне ничего конкретного. Вдобавок к тому его таинственные путешествия, бронированный несессер с приспособленной для пристегивания наручников ручкой, камера перед калиткой и пуленепробиваемая дверь. Я посмотрел провожатому прямо в глаза.

– Он был историком. Архивистом. – Мимо. Только теперь я вспомнил, что однажды, когда я его расспрашивал, он между делом бросил пару слов о своих занятиях, с таким видом, словно я пытался обвинить его в тунеядстве. – Он искал... истину.

Монах внезапно остановился как вкопанный, сделал вид, что прикладывает палец к губам, и повел глазами, показывая на стены и потолок.

– У вас две минуты, – прошептал он. – А я ничего не видел. Сюда.

Не знаю, чего я ждал. Белые стены, мебель из темной древесины. Сводчатый подвальный потолок, койка, стол, вешалка, молитвенная скамья, распятие. Полностью безликое помещение, как комната в общежитии. Пахло мебельным воском и тяжелым ароматом ладана.

– Келью окурили, – пояснил монах. – Кто-то мне говорил, что тут провели обряд экзорцизма, сразу после его смерти. Две минуты, – добавил он. – Я подожду в коридоре.

Я даже не был уверен, что это келья Михала. Он всегда либо сам приходил ко мне в гости, либо мы встречались в городе. Я не знал, почему этот монах меня впустил. Казалось, он чего-то боится. Что-то тут не так.

Присев на застланную серым одеялом койку, я огляделся в поисках следов Михала, но комнату словно вывели. Со стола исчез опрокинутый стакан, кто-то собрал рассыпанные бумаги. Прошло две недели. Здесь побывали родственники – отец и сестра Михала, которые забрали то, что могло представлять для них ценность. Не знаю, что это – фотографии, бумаги, письма, часы. Остальными личными вещами занялись монахи, упаковав их в коробку и сдав в макулатуру или просто выкинув. Исчезли даже одежда и постельное белье. Вероятно, комнате предстояло служить новому владельцу, но пока она стояла пустая. Может, им не хватало новобранцев или просто не нашлось желающих на обитель покойника?

Все выглядело так, будто жилец уехал или вообще не существовал. Вновь ощутив болезненную судорогу в горле и глазах, я стиснул зубы.

– Я не позволю тебе просто так исчезнуть, – прошептал я.

Я стиснул пальцами переносицу и откашлялся.

Конечно, он был монахом и, естественно, набожным человеком. Но я не мог себе представить, что он мчится ночью в часовню, чтобы лечь там крестом, при этом опрокинув все на столе. Вера Михала была достаточно рациональная и простая, далекая от показных театральных обрядов. Я не мог представить его себе в подобном состоянии.

И почему он оставил мне посылку с собственными вещами?

Я сел за стол, и подо мной заскрипел жесткий стул с подлокотниками. Положив на стол руки, я закрыл глаза.

Мне хотелось его почувствовать.

Иногда это удается.

В келье царила тишина. Я ощущал лишь собственное волнение и уверенность, что все выглядит слегка сюрреалистично и чертовски странно.

Возможно, я просто не мог смириться с тем, что жизнь внезапно угасает без причины, как задутая свеча, и оставляет после себя дыру.

- Ты тут? - прошептал я. Мой голос звучал странно и сверхъестественно. - Хочешь мне что-то сказать?

Иногда это удается.

Или, возможно, начинают возвращаться мои галлюцинации.

Я чувствовал, что во всем этом что-то не так. Паршивое, не дающее покоя мелкое предчувствие, будто заноза под ногтем или обломок зубочистки между зубов. Вроде ничего особенного, но при этом невыносимо. И мне хотелось понять.

Один за другим я открыл ящики. Ничего - лишь по голому листу фанеры катался забытый карандаш.

Крышка стола почти пустая. На том месте, где когда-то стоял компьютер, виднелся матовый прямоугольник. Теперь от него остался лежащий на полу удлинитель с сетевым фильтром и брошенная под столом отсоединенная мышь.

В черном каменном стакане торчали две авторучки - одноразовая шариковая и старая перьевая со стальным пером. Внутри болталось немного пыли и две скрепки.

Я провел ладонью под крышкой, бросил взгляд под стол, но там не оказалось никакой приклеенной снизу записки или даже жевательной резинки. Я заглянул под стул.

Не знаю, что я искал.

Открыв окно, я ощупал подоконник снаружи и снизу. По очереди вынув все ящики, осмотрел их со всех сторон.

Я пригляделся к стенам. Из них торчало полтора десятка гвоздей в разных местах. Висевшие на них картинки исчезли, но в том нет ничего странного. Станным было то, что все гвозди грубо окрашены. Я провел ладонью по стене, и на пальцах остался слабый белый след, будто от мела. Стены заново покрасили. Что на них было?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Рессатор (лат.) – грешник.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gzhendovich_yaroslav/pepel-i-pyl

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)